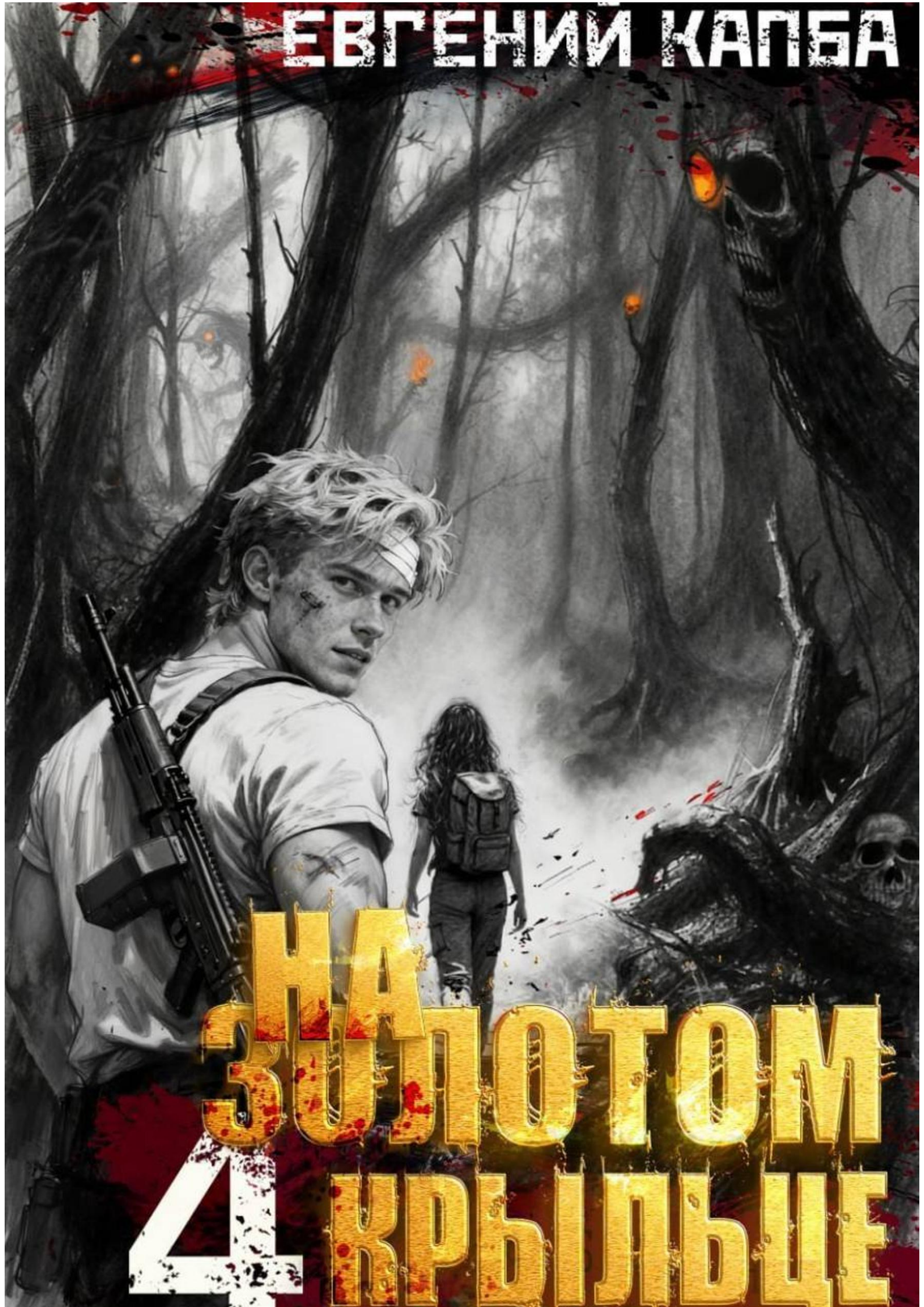

ЕВГЕНИЙ КАПБА

4 ЗНАКОМСТВО
44 КРЫЛЬЦЕ

Евгений Капба

На золотом крыльце – 4

«Автор»

2026

Капба Е.

На золотом крыльце – 4 / Е. Капба — «Автор», 2026

Настоящий, всамделишный маг Миха Титов и его подруга, тоже самая настоящая-стопроцентная волшебница, Эля Кантемирова отправляются на "негаторную практику" - им предстоит выживать в экстремальных условиях без применения магии! Шеф Пеллинского экспериментального колледжа привык решать проблемы радикально, даже если проблема эта - самый большой грех магов. И не важно, что к Михе и Эле он относится в самую последнюю очередьПримечания автораАвтор обложки Миродар Госс

© Капба Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Зима	5
Глава 2. Поединок	11
Глава 3. Последствия	16
Глава 4. Очень важная задача	21
Глава 5. Начало пути	27
Глава 6. Свобода	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Евгений Капба

На золотом крыльце – 4

Глава 1. Зима

Сессию я сдал средненько. Ну как – средненько? Смотря с чем сравнивать. Или с кем. У Эли одни восьмерки и девятки стояли, например. А Юревич все, кроме прикладного-боевого, на шесть-семь сдавал, Выходцева со Святцевой вообще весь диапазон в своих табелях видали: от минимально проходной четверки до десятки. А у меня при в общем-то очень приличных баллах две семерки нарисовались. Первая по артефакторике – у Бориса Борисовича. Ну, здесь ничего удивительного, он меня любил особенно и на экзамене вздрючил как положено.

А вторая семерка – по стихиям. Стихийная магия мне никогда не нравилась. Меня препода наша, Стелла Амвросиевна Выбегалло, даже нонконформистом обозвала. Мол, Титову что угодно, только бы не как все. Мол, я специально на занятиях по стихийной магии ленюсь и не выкладываюсь на все сто, работаю спустя рукава. А я не ленюсь. Я вот базовый минимум – могу. А профильный максимум – это без меня. Кастовать файерболы, махаться водяными плетями, провалы в земле мутить и попутный ветер для кораблей забаббахать – не-не-не. Стакан воды из атмосферы, огонек на ладошке, ощущение пустот под землей или там сквознячок – вот это мой стихийный уровень, я его прекрасно знаю. А чтоб выше головы прыгнуть – это выдрючиваться надо и кучу времени потратить. Мне ни того, ни другого не хочется!

Основной моей отметкой в этом семестре стала восьмерка. «Почти отлично», если по-русски. И это закономерно – я же носился, как Сивка-Бурка, вместо того, чтобы учиться волшебному делу настоящим образом! Если бы не Библиотека, вообще слетел бы в середнячки, а так – телепался на страничке колледжа в Сети внизу вкладки «Наша гордость». Да, да, такая тут тоже была. Чтобы поддерживать что-то типа соревновательного духа. Получается, я оказался худшим из лучших.

Но зато – инициировался. Нас теперь трое таких на курсе было – Юревич, Ермолова-Кантемирова и я. С Тинголовым в этом плане существовали разночтения: очень уж дар у него редкий. Поиграть на дудочке и привести стадо тварей в несколько сотен голов на убой – это уже уровень мага второго порядка или нет? При этом в остальном галадрим выше головы не прыгал: тот же огонек на ладошке и стакан воды из воздуха, что и у меня. Даже Ян Амосович разводил руками по поводу нашего Руари.

А я разводил руками под взглядом Барбашина, который укоризненно глядел в мой табель на экране планшета.

– Михаил Федорович Титов, – сказал он укоризненно. – Такой талантливый парень! Одаренный, можно сказать.

– Ну а что? Я разве подписывался отличником быть? У меня вон работы полно. – Я сунул руки в карманы. – Имею право, я взрослый человек! Чьим вообще ожиданиям я должен соответствовать?

– Помощник столяра, сборщик мебели, рабочий сцены, курьер, теперь – кровельщик? И еще этот, как его... консультант по упорядочиванию и формированию библиотечных фондов! – поднял палец мой бывший куратор.

Я аж вздрогнул. Докопались-таки? С другой стороны – а могло быть иначе?

– Применяю свои таланты с Божьей помощью и по собственному разумению, – снова развел руками я. Этот жест в сегодняшнем разговоре становился с моей стороны основным. – Нравится чувствовать туго набитый кошелек в руках. Или на циферки на банковском счете

пялиться. Мне голодранцем быть не подходит, пробовал. И вообще, я в одной статье читал, в газете – «нет стыдной работы, есть стыдное безделье!»

– Но библиотечные фонды?.. – поднял бровь князь-опричник. – Это каким боком?

– А вы знаете какая библиотека у деда Кости на Лукоморье! – сделал невинное лицо я. – Я полдетства в ней провел и кое-что в этом смысле. А тут у нас Ингрия, культурная столица! У людей богатый внутренний мир, они книги любят. Но часто в голове у местной интеллигенции такая каша, что систематизировать свое духовное и интеллектуальное богатство самостоятельно они не могут... Вот я и помогаю!

Больше всего мне в этой моей тираде понравилось то, что я ни разу не соврал. Вот могу же нарезать как положено, если голову включаю!

– Ну-ну... – покивал Барбашин. – Но дело ведь не только в работах, да? Подвиги, любовь...

– Хоть слово скажите про Элю, – я прищурился, – и посмотрите, что будет.

– Спокойно, Миша. – Он даже экран на планшете выключил. – Спокойно. Я ведь не враг тебе, не начальник и даже больше не куратор. Ты взрослый мужчина, по всем меркам, а после второй инициации – мы с тобой и вовсе на одном уровне. Я понимаю, что тебя задергали уже с этой темой, и очень уважаю твой выбор и твоё стремление защитить подругу...

– А ее не особенно надо защищать, она теперь с нами тоже на одном уровне, – ухмыльнулся я. – Вон за окно взгляните, там общежитие в эклектичном стиле, с элементами барокко, неоготики и рококо, видите?

– А-а-ага? – Князь со странным выражением лица взглянул в окно, где царил снежный ингерманландский декабрь. – Что, правда – она?

– Ну, – кивнул я. – Вот представьте: свидание, первое-настоящее, после долгого расставания, и девочке захотелось романтики, чтоб все красиво. Ну и...

– Да-а-а-а... – протянул Барбашин. – Силища, конечно, запредельная. И прямо что угодно может трансмутировать?

Мы с Элей после *той ночи* пошли к директору и признались – без подробностей. Мол, свидание было, встречаемся мы. Котика предьявили. Эльвира в своей обычной манере быстро-быстро принялась рассказывать, как ей хотелось, чтобы вокруг все было эстетично и атмосферно, как она волновалась перед встречей со мной, как я и Бабай Сархан ей сильно помогли и как ее мама выздоровела. Полуэтков долго ухмылялся в бороду. Конечно, он был доволен как слон: еще одна инициация второго порядка! Жирный плюс! А нюансы есть нюансы, они в случае с инициациями вообще мало кого волнуют. В конце концов, мы – два взрослых человека, более того, принадлежим к ничтожно малому проценту самых могущественных людей в Государстве Российском! Мы – маги натуральные, настоящие и всамделишные. К тому же – внеклановые.

Ага. Эльвира фамилию поменяла, но клану Кантемировых не присягала и в него формально не вошла. Но это отдельная песня...

– Ну, не прямо-таки «что угодно», – сказал я, поминая про себя дракона и его шутки про мушкетеров. – Неживое – лучше, живое – хуже, разумное – вообще никак. Позавчера приезжал Шакловитый – знаете такого? Вот он нас экзаменовал, способности оценивал.

– И что, и что? – заинтересовался Барбашин, кажется, уже и позабыв о цели своего прибытия в Пеллу.

– Привезли машину металлолома, тонн двадцать, наверное. Выгрузили на площадке, вон там, под куполом. Эля из вторчермета шахматных фигур наделала, в человеческий рост, а я их драться заставил. Рубилово было – у-у-у-у...

– А! Я этот видос в «Эхе» видел. На страничке у Шакловитого. Он любитель эхони выставлять. Но что ваших рук дело – не знал. – Вдруг лицо князя просветлело. Улыбка на его лице стала такой счастливой, как будто он разом решил если не все, то как минимум поло-

вину своих проблем. Он сказал: – Миша! Так это же прекрасно! Вы же можете отправиться на практику по выживанию вдвоем! А Юревичу напарники и вовсе не нужны, учитывая его ситуацию... Или Тинголова ему определим. Это сильно упрощает дело!

– Та-а-а-ак! – Я уставился на бывшего куратора с подозрением. – Еще одна мутная практика? А летом это что было – легкая прогулка?

– Практику по выживанию называют еще «негаторной», – пояснил куратор. – Ее три года назад ввели, как раз с подачи этого твоего Пепеляева. Он же в человеческой ипостаси – нулевка, знаешь? Пару раз наглядно объяснял господам магам – то есть нам, – чего стоит...

– ...самонадеянность. – Я кивнул. – Понятно. Если у вас получится нас с Элей в одну команду определить – будет офигенно. Мне прошлого раза хватило, когда их аспиды покушали... Бр-р-р-р-р!

– А нюансы не интересуют? – удивился Барбашин.

– А что – нюансы? Если «выживание» – значит, скорее всего, лес, пустыня, горы или другая дикая дичь, в хорошем смысле этого слова. Если «негаторная» – значит, повесите на нас негаторы, и мы будем выживать без магии. А раз мы уже маги второго порядка, значит – ценный ресурс, и гробить нас без дай-причины не станут, невыгодно это. Нас родное богохранимое отечество употреблять станет с чувством, с толком, с расстановкой. Поэтому возможность снять негаторы в случае крайней опасности у нас будет, – нарезал я. – Хотя, конечно, если снимем, то... Что? Вылетим из колледжа?

Барбашин сделал неопределенный жест рукой. А потом сказал с видимым одобрением:

– Сильно разумный вырос! И где тот парень, который энциклопедией дрался? Но ты не думай: просто не будет. В таких вопросах индивидуальный подход – это то что доктор прописал! Держи вот, ознакомься. – Он протянул мне брошюру с глянцевой обложкой, напечатанную на хорошей белой бумаге.

– «Оазисы Васюганской Хтони. Автор – Ф.И. Поликлиников, доктор хтонических наук, гросс-профессор Ученой Стражи». Что за фамилия такая дурацкая: Поликлиников? – удивился я. – Такие разве бывают? Реанимациев, Амбулаторнов, Кожвен-Диспансерский... Гы!

– Это псевдоним, – погрозил он мне пальцем. – И не гыкай мне тут! Все, изучай, а мне еще с начальством вашим переговорить. Практика у вас через два дня начинается, есть время подготовиться.

На улице сияло солнце, искрился снег, веточки деревьев обледенели и, кажется, позвякивали. Мороз щипал лицо, дыхание вырывалось изо рта клубами белого пара. На карнизах учебных корпусов и общежитий висели сосульки, старался-пыхтел на дорожке Маленький Братец, выгребая снег и пиликаая что-то на своем, на роботском. Зимняя сказка!

Я никогда особенно не любил зиму, но если на тебе надет комбез «Арктика++» опричного производства и ботинки с подогревом – любой холод переносится гораздо легче. Надвинув на уши шапку, самую обычную ушанку, которую купил на рыночке в Пелле, я шел встречать Элю – у нее вот-вот должны были закончиться танцы.

Кантемирова (ох как же трудно к этому все-таки привыкнуть!) легко сбежала по крыльцу мне навстречу. Она, вся румяная и сияющая, в приталенном полушубке и изящных валеночках, выглядела просто замечательно. А вязаная красная шапка с помпоном добавляли ей какой-то непосредственности и несерьезности.

– Привет! – замахала она на ходу и заулыбалась – очень красиво.

Варежки на ладошках у нее были тоже красные. Это она так отсутствие красной косынки компенсировала, похоже. Порыв ветра сдул снег с ближайших деревьев, и белые хлопья полетели на яркую шапку, полушубок и аккуратненький носик девушки. Она сдула снежинку и засмеялась.

– Ты как Снегурочка! – сказал я. А потом вспомнил, о чем читал в брошюре Поликлиникова, и вздрогнул: – Не-не-не-не...

– Что значит – «не-не»? – удивилась она и кинулась ко мне – обниматься.

Зимой это особенно забавное занятие – обнимание. Одежды на каждом – несколько слоев, все такие толстенькие и плотненькие, как пингвины, и объятия тоже получают пингвинячьи. Но все равно – приятно. Она меня еще и в нос чмокнула!

– Так что там со Снегурочками не так? – спросила Эля.

– Негаторная практика, – пояснил я. – Барбашин приходил, вот – брошюрку мне принес. Как бы намекает.

Я достал из набедренного кармана книжечку и показал ей.

– О, шефа нашего творение, – тут же распознала она. – Феодора Иоанновича! У нас такая была, Клавдий по ней учился.

– Ого... – Я, честно говоря, офигел от такой информации. Но потом спохватился: – Есть и хорошая новость: мы будем в одной команде, князь обещал! Ура?

– Ура, конечно! – легко согласилась Эльвира и спросила: – Пошли?

Кантемирова взяла меня под локоть, и мы двинулись вперед по аллее. Под нашими ногами похрустывал снег, темнело, загорались фонари – один за другим. Мы помалкивали. Я поглядывал на Элю, внутри меня все свербело, и наконец я не выдержал:

– Поликлиников – это цесаревич Федор?

– Ну да! Я думала – это все знают! – А потом слегка испуганно прижала ладошку в варежке ко рту. – Прости, Мих, я не это имела...

– Не, не, все нормально, – замахал руками я. – Я и вправду не особенно жизнью династии интересовался. Да и сейчас не интересуюсь больше необходимого. Разве что в самых общих чертах.

– Ну, все же знают, что Дмитрий у нас – по военной части, Василий – по экономической, а Федор – по научной, да? Вот, он в молодости экологией Оазисов занимался, изучал воздействие Хтони на живые организмы, много лет провел в Васюгане...

– Вообще-то, не только по научной, – задумчиво проговорил я, вспоминая все, что знал о царевиче, особенно про его умение внушать шок и трепет всем, включая хозяев Хтони. – Многогранная личность – младший сын нашего Государя. Но почему – Поликлиников?

– Мне самой было жутко интересно! Зачем псевдоним – понятно, подписывать научные работы «Грозный» – довольно странно. Но есть же какие-то официальные фамилии, когда члены династии путешествуют инкогнито. Смарагдовы, например, или Ионины, – принялась оживленно жестикулировать Эля. – Я у всех спрашивала, и все только отмахивались. Даже мама и дед! Знаешь, кто ответил?

– М?

– Алиска, Клавдиева. Ну, Селезнева. Она же в Александровской слободе работает, в каком-то НИИ. Они там Грозных через день видят. И вообще – попаданка, ты же знаешь. Так вот, она смеялась сначала, а потом сказала что-то странное, типа – «для опытов!» – Настал черед Кантемировой разводить руками.

Вдруг из кармана ее полушубка раздалась веселенькая мелодия – скрипочки какие-то. Эля вообще мелодии на звонке меняла чуть ли не каждый день.

– О, вспомнила Клавдия, – сказала она, свайпая по экрану. – Странно, он мне больше недели не звонил... Вообще – дуется, что я фамилию сменила. А теперь чего?

Она засунула смартфон под краешек шапки, прижав его к уху, и заговорила:

– Привет, братик! – Сразу ее тон был доброжелательным, но потом голос Эли зазвенел, она сильно нервничала. – Что? Это почему? Зачем тебе? Клавдий, ты не... Что ты такое говоришь! Почему? Да потому! Что-о-о? Знаешь, Клавдий, я думала – уж ты-то поймешь! Хочешь – говори. И мне ни капельки тебя потом не жалко будет!

Я все это время пребывал в состоянии недоумения. Мне казалось – у этих двоих были нормальные отношения! А тут – прямо ругались, и Эля очень сильно злилась! Конечно, она ушла из клана, предала наследие и все такое, но младший Ермолов и сам не мог считаться образцом темного консерватизма. Встречался со светлой – и в основном по переписке, подумай только!

А потом Эля протянула мне свой телефон:

– Миха, он хочет говорить с тобой. – На ее лице застыло досадливое выражение. – Будет плести всякую фигню, я уверена. И знаешь что? Делай с этим что хочешь. Мне все равно. Мое отношение к тебе не изменится, что бы ни произошло.

Это звучало странно, но аппарат я взял.

– Титов слушает, – проговорил я.

– Слушаешь, гаденыш малолетний? – Голос Клавдия просто сочился ядом. – Я знаю, что это из-за тебя. Ты, мерзавец, используешь Элю! Как ты это сделал? Ты спал с ней? Наложил заклятье? Приворожил? Под кем ходишь, Титов? Чей ты человек? Воронцова? Нахичеванского?

– Ты втираешь мне какую-то дичь, – сказал я, свирепея.

– Я вызываю тебя, – прохрипел телефон. – Ты – маг второго порядка, это законно.

– Время и место? – спросил я.

– Заброшенный док номер семнадцать Пеллинского судоремонтного завода, знаешь, где это?

– Узнаю.

– Приходи сегодня в полночь. Не бойся, я тебя убивать не стану... Поговорим и разберемся, как мужчина с женщиной. Как маг с магом... Оставь мою девочку в покое, слышишь?

– Пафосная дичь, – вздохнул я. – До встречи.

И отдал телефон Эльвире.

– Клавдий обещал открутить тебе голову за мою поруганную девичью честь? – глянула на меня она.

– Типа того. Пока что предложил просто поговорить. – Я считал себя человеком порядочным и потому старался лишней раз не лгать. – Встретиться один на один.

Недоговаривать – другое дело. Даже любимой девушке. Особенно – любимой девушке.

– И что ты думаешь делать? – поинтересовалась она. А потом заявила: – Если что – можешь не ходить, мне пофиг. Я не для того от них ушла, чтобы терпеть ермоловские забавы дальше. Меня от них уже тошнит!

– Ну, пойду. Ну, поговорю, – пожал плечами я. – Будет наезжать – стану сопротивляться. Хоть Клавдий и наговорил мне какой-то бредятины, но он – твой брат, и я видел, как он о тебе заботится. Значит, глубоко внутри у него есть что-то хорошее... Наверное.

Я кривил душой, на самом деле. Историю про Ермоловых и кхазаров я помнил хорошо.

– Знаешь, – Эльвира переминалась с ноги на ногу, ей было явно неловко такое говорить, – Клавдий из тех людей, до которых действительно важные вещи доходят только через болезненный опыт. Например, до того, как он отправился в Паннонию с этой своей Селезневой, он был страшным снобом, за равных почитал только магов человеческого происхождения, да и то... А вернулся с гораздо более широкими взглядами! Алиска мне сказала по секрету, что ему там кто-то наподдал! Плохо такое говорить про родного брата, конечно, но уж как есть...

– Хотелось бы без этого как-то обойтись, конечно, – признался я.

Мне было страшновато: все-таки Клавдий очень, очень крутой и, в отличие от меня, реально воевал. Но я в рукаве имел не туза, а целого джокера, о чем пока мало кто знал...

– Фу, – сказала Эля. – Какие противные разговоры мы с тобой ведем. Вроде вот договорились про «стань сам себе предком», а все равно – от родни никуда не деться.

– Ага! – вздохнул я. – А я все жду, когда батя объявится. Он ведь сделает это, и скоро! Есть у меня такое наитие... Пошли лучше к Лейхенбергу, он обещал какой-то кхазадский безалкогольный пунш сегодня замутить. И меня звал!

– А я не помешаю? – заперезивала Эля. – Он все время ворчит, когда меня видит!

– О нет, Эля, тебя он сильно любит, хоть этого и не показывает.

– Да-а-а? А я думала, он ругается...

– Не-е-ет, «шёнес хенсебломхен» – это «прекрасная маргаритка!» – заверил ее я. – А «хуемадхен» – это «хорошая девочка».

– Хи-и-и-и-и!

Мы шли и смеялись, и толкались, и кидались снежками, и были счастливы.

Глава 2. Поединок

В заброшенный док меня провел Вяземский. Это, конечно, звучит диковато, но Афанасий в зимний период взял – и пошел работать на завод. И устроил его туда я, через Фрола. Ну, как – устроил? Узнал информацию, что такой специалист там пригодился бы, и довел ее до ушей Вяземского. Он сразу офигел, конечно, а потом прикинул, посчитал деньги – и пошел на проходную договариваться о подработке.

Ну а что? Княжич даром что из великого клана, а на кармане свои средства иметь хочется и практиковать магию – тоже. С его специализацией на льде и холоде – предприятие готово было платить бешеные деньги! Ну, представьте, никакого обледенения на корпусах, незамерзающая гавань, и все такое. . . Вяземский оказался очень востребован, ему даже прозрачно намекали на контракты за пределами Пеллы – в отдаленной перспективе.

И вот теперь я следом за Афанасием шагал по почищенной от снега дорожке, вдоль административных корпусов, складских зданий и сухих доков в сторону самой дальней, забытой Богом и коллективом завода части промзоны. На молодом маге было легкое пальтишко, под ним – костюм-тройка с белой рубашкой. Никакого головного убора – его черные длинные волосы трепал ветер. М-да.

«Холод всегда мне был по душе! – женским голосом пропела остаточная память Руслана Королева. – Отпусти и забудь!»

Мне почему-то стало дико смешно, хотя я и не понимал причин своей веселости.

Спустя шагов двести Вяземский остановился. Развернувшись на каблуках, княжич жестом руки притормозил и меня. Мы находились у забора из ржавой сетки-рабицы, дальше громоздились только груды металла, остовы кораблей и вдалеке виднелась крыша эллинга.

– Он тебя уже там дожидается, – испытующе глянул на меня Вяземский. – Ты, Титов, конечно, парень бедовый, но это – Ермолов. Клавдий! Говорят, он семерых убил только за три года на дуэлях, и не последние маги были. . . Это ли не повод задуматься?

– Волнуешься за меня? – ухмыльнулся я, глядя ему в глаза.

– Вот еще! Подохнешь – я к Кантемировой снова подкатывать стану. Она ж теперь не Ермолова, почему бы и нет? – вернул мне ухмылку он.

– Скотина ты, Афанасий, – констатировал я. – Беспринципный мерзавец.

– А ты – позер и дурак, – парировал он. – И этот. . . Латентный парасуицидник. Продолжим выдавать очевидные вещи за оскорбления или ты пойдешь туда и порешаешь свои вопросы?

– Пойду, – сказал я. – Если через час ни я, ни он оттуда не выйдем – сообщи, например, Борису Борисовичу.

– Сообщи. Лезть за тебя под удар Тьмы я не буду, Титов. Это ты и так понимаешь. Но к Розену в лабораторию в случае чего – доставлю. – Вяземский смотрел на меня с явным сожалением. – Дурак ты, что к нам в клан не пошел. Вяземские – нормальные. Кабальные у нас живут зажиточно, Государю мы никогда не изменяли, земли – полно. . . Взял бы двойную фамилию, Титов-Вяземский, были бы мы с тобой кузенами и очень влиятельными людьми. . .

– Я польщен, правда. Даже растроган, – снова оскалился я. – Обещаю – ваше предложение рассмотрю первым, если идея лучезарного сплочения и высокодуховного родственного единства с каким угодно кланом вообще станет для меня привлекательной. Я – сам по себе, Вяземский. При всем уважении.

– Дурак, я же говорю. – Он махнул рукой и пошел прочь.

Даже странно, как порой те, кто раньше казался воплощением всего, что мы ненавидим, открываются с другой стороны. Афанасий – неплохой, просто – продукт среды, в которой воспитан. Но я-то тоже своего рода продукт! Даже – фрукт, если говорить начистоту.

– Питайся, – сказал я вслух. – Или маракуйя.

А потом отодвинул погнутую створку ворот из металлопрофиля и прошел за ограждение. Снег тут тысячу лет никто не чистил, навалило по колено. Эдакий белый ковер – чистый, нетронутый. По воздуху, что ли, Клавдий сюда прилетел? На снегу-то следы должны были хорошо отпечататься. Хотя – с него станется. Есть же у Ермоловых эти левитирующие диски!

Я шагал по колено в снегу к доку №17, и на душе у меня было тревожно и неудобно. Уже отсюда, метров за триста, я видел этот кошмар в эфире: щупальца тьмы дергались и извивались, пронзая огромный эллинг – крытый ангар. Здоровенные такие щупальца, толщиной с мою ногу, и длиннучие – метров пятнадцать или двадцать. Это не аура, это дикая дичь просто! И я туда должен идти! Зачем мне это вообще, можно я чай пойду пить, с баранками?

– Я вижу тебя! – раздался голос как будто из преисподней, и щупальца рванулись ко мне.

Клавдий не собирался мешкать: он решил разделаться со мной сразу, даже не выходя из укрытия. Ну, так и я в таком случае мог не миндальничать: мои руки сжались в кулаки, и эллинг тоже сжался, повинуясь движениям вездесущих серебряных нитей. С жутким стоном вмялась внутрь крыша, грохоча и разрушаясь во время движения, схлопнулись стены, поднялся пузырем пол! Жуткая какофония воцарилась в заброшенной части промзоны, а я все лепил, лепил из эллинга огромный ком, сжимал его, давил, пока щупальца не исчезли совсем.

– Вот, на фиг! – сказал я и плюнул себе под ноги, когда щупальца пропали, скукожившись под грудой обломков.

Похоже, мне удалось с ним расправиться! Ну надо же – а разговоров-то сколько! Ермоловы – то, Ермоловы – это... Подумаешь! Придавил я его строительным мусором, вот и все дела. Тоже мне, сильнейший клан в Рос...

ТАДАХ! Ком из металла, бетона и дерева, в который превратился огромный эллинг, разлетелся в стороны, настоящий дождь из обломков обрушился на покрытую снегом землю, и я увидел Клавдия: страшного, в изорванном кожаном плаще, с растрепанными волосами и окровавленным лицом.

– TENEBRIS DAMNATA PALUS! – проревел он, шевеля разбитыми губами.

А потом Тьма метнулась ко мне, проникла в нос, уши, в рот, в каждую пору моего тела, я почувствовал себя так, будто окунулся в бочку с вязким мазутом, и никаких шансов освободиться я не видел. Я вообще ничего не видел! Не слышал, не обонял, не... Да я дышать не мог и шевелиться – тоже. Ощущение стопроцентной гадливости и омерзения заполонило все мое нутро, меня мутило, тошнило – и я ничего не мог с этим поделать.

– Вот так, гаденыш.

Прозвучало это через минуту, час или год, я не знал. Глаза мои смогли приоткрыться, и сквозь пелену Тьмы я увидел Клавдия, который шарил по карманам своего рваного плаща.

– Крепенький паренек, должен признать. – Он погрозил мне пальцем. – Ничего, ничего. Я преподам тебе урок. Клятая Багна впитывает ману как губка, черпает до самого дна и даже дальше... Может, ты и восстановишься, вполне может быть. Когда-нибудь. Но это не точно.

Он наконец нашарил то, что искал в кармане. Искомым оказалась банальная металлическая плоская фляжка. Открутив крышечку, Ермолов сделал хороший глоток.

– Это нехорошо – так поступать с девочкой, Михаил. Ты лишил ее всего, понимаешь? Положения в обществе, стабильного будущего, поддержки родных... Кантемировы? Нет, она не станет членом их клана, у горцев свои обычаи, которые Эля соблюдать не захочет и не сможет. Ты бросишь ее – я ведь вижу тебя насквозь. Смазливый сукин сын, ушлый и проницательный, которому повезло выиграть в магическую лотерею. Ты поиграешься и сбежишь. Сколько у тебя таких девчонок было? Пальцев рук хватит? Ну-ну, моргай, моргай... Багна работает, и даже будь у тебя внутри винная бордосская бочка вместо резерва – скоро все будет кончено. Ты у меня станешь магическим инвалидом. А учитывая, что по факту ты – бездомный пройдоха, реабилитироваться ты будешь естественным путем. Годика два или три.

Ермолов снова отхлебнул из фляжки и аж крикнул от удовольствия. Я пытался понять, на каком свете нахожусь, что вообще со мной происходит, но осознать смог только одно: угол зрения был странным! Я, похоже, висел метрах в четырех над землей, лицом вниз, макушкой к Клавдию, смотрел на него, получается, исподлобья. И кое-что видел. Кое-что у него над головой.

– Понимаешь, какая штука, Мишенька... – Фляжка забулькала снова и вроде бы закончилась. – Эля – единственный человек, с кем мне было легко. Единственная родная душа, которая меня принимает. Принимала. И ты отнял ее у меня.

Зараза, как же мне хотелось орать на него благим матом! Какую дичь он нарезал, подумать только! Это и называлось – с больной головы на здоровую, точнее и не скажешь... Они там щенят убивают, и руки ножами режут, и очень хорошую девочку чмырят за то, что она – трансмутатор, а не темный маг, как будто это от нее зависит! А виноват – я. Ненормальные.

– А с Элей мы помиримся. Она ведь отходчивая, знаешь? И я, когда стану главой клана, приму ее обратно. Она Ермолова! – Он уселся в позе мыслителя на один из обломков, который уже стало слегка засыпать снегом, и разглядывал меня, устроив свой подбородок на кулаке.

Его локоть при этом упирался в колено, а вся фигура приобрела несколько расслабленный вид. И над головой у Ермолова я уже очень отчетливо видел кое-что весьма для меня интересное! Поплыл темный, точно – поплыл! Может, из-за фляжечки своей, может – от усталости и куража от мнимой победы...

– Ага, – сказал он. – Можешь попробовать погеройствовать, побрыкаться. Твоя бордоская бочка уже показывает дно, парниша. Ты теперь – почти цивилизный. И уж точно – не маг второго порядка. О, давай скажи, что хочешь, я тебе разрешаю!

Клавдий пошевелил пальцами, и я почувствовал, как рот и нос освобождаются от... От... Я понятия не имею, что это было, я не видел его, только чувствовал бесконечную тошноту и омерзение.

– Бензовоз, – сказал я сразу, как только смог.

– Что? Какой еще бензовоз? – Он даже вскочил со своего трона из бетона, ржавой арматуры и снега.

– У меня резерв размером с бензовоз, – пояснил я и от души хлопнул ДВЕРЬЮ, которая висела у него над головой. И тут же пожалел об этом: заклинание Клятой Багны рассеялось, и я полетел вниз.

Только и успел, что извернуться и ткнуться в обломки сначала ступнями, потом – коленями, потом – ладонями, и только после этого – телом и головой.

– А-а-а-а-ы-ы-ыть! – Я корчился на камнях не столько от полученных травм, сколько от отходняка после слетевшей с меня Клятой Багны. – Туповатый ты, Ермолов! Ща-а-ас я тебя...

Я видел, что он в полной бессознанке лежит в пяти шагах от меня. А черная металлическая матовая дверь над его головой в полуприкрытом состоянии ходит туда-сюда, и из щели вылетают мерзкие черные хлопья. И, очертя голову, не думая и не рассуждая, я ринулся в эту дверь, потому что там и только там я мог противостоять этому чудовищу.

Как может выглядеть Библиотека Темного мага? Классически! Огромный готичный зал, полный мрачных фолиантов в черных кожаных переплетах, кругом – позолота, темное дерево, паутина, копоть... Свечи стоят там и сям, на полках, на столах, на подоконниках... Гигантская люстра-подсвечник под высоким потолком, на ней тоже – свечи, свечи, свечи, оплывший воск и чадящие огонечки. И это меня назвали парасуицидником? У кого в башке могут свечи стоять рядом с книгами вообще? У конченого психа, ясное дело!

На полу – мозаика со сценами охот и сражений, максимально натуралистично, с потрошением и кровью. На стенах – гобелены с изображениями чудовищ и демонов. В общем – скучно и неинтересно.

Стоит отметить: среди всего этого мрака выделялись два шкафа гораздо более светлых тонов. Один – стеклянный, сверкающий ослепительным галогеном или ксеноном (не очень разбираюсь), как будто снизу установили лампы дикой мощности для подсветки. Там на полках в строгом порядке лежали стопки белоснежных листов бумаги на канцелярских зажимах, одинаковой толщины, исписанные идеальном каллиграфическим почерком. «АХ, АЛИСА!» – вот что значилось на стеклянной же табличке серебряными буквами, на самой верхней полке этого стеллажа.

А вот это – очень интересно!

Второй же шкаф относился к Эльвире, тут все сразу было понятно. Конечно – желтенький, теплый даже на вид, и книжки в нем стояли сплошь в ярких обложках. Любит братец сестрицу. Это, конечно, хорошо... Но не для меня в данной конкретной ситуации.

– Гра-а-а-а!!! – раздалось откуда-то с потолка.

Чисто инстинктивно я отпрыгнул к одному из стеллажей – и вовремя! Сверху на пол грянулась мускулистая фигура, человекоподобная, но вместе с тем – нечеловеческая. Здоровенный черный резиновый гомункул без лица, ушей, волос и первичных половых признаков! Ну, и одежды тоже не было, понятно. И как только орал, без рта?

Он припал на одно колено и стал вертеть гладкой башкой, пытаясь обнаружить меня. Похоже – у Клавдия стояла ментальная защита, и я сейчас имел дело с ее проекцией!

– Давай, чучело. – Я не стал скрываться. – Иди сюда!

– Бырлы-бырлы, – прогудел гомункул таким голосом, как будто ему на лицо пакет надели. И ринулся в мою сторону.

А я что? Я шевельнул эфирные нити, и сдернул с потолка лампу со свечами, и надел на всю эту дурацкую фигуру сверху, фиксируя руки у тела. Часть свечей при этом попадала на пол, другая часть – на гомункула, заливая его воском и подкапчивая.

– Ыбрлы? – удивился страж сумрачного ермоловского разума. И возмутился: – Огроло-гло!!!

– Ой, да иди ты на фиг, – вздохнул я, телекинезом открыл дверь, ухватился за люстру и вышвырнул бедолагу наружу.

Ментальные конструкторы на свежем воздухе чувствуют себя очень плохо, это я знал точно. А еще знал, что на выходе меня будет ждать дичайший сроч.

Некоторое время я затапывал не желающие гаснуть свечи, а потом еще раз оглядел ставший еще более мрачным от потери главного светильника Чертог Разума и задумался. В конце концов, он сам на меня напал, и я имел право на контрибуцию! И я предпочитал взять свое информацией. Ультима Ермоловых – вот что меня интересовало. Я много времени провел, собирая сведения об этом, и имел кое-какие подозрения, но нужно было удостовериться. А еще я хотел, чтобы Клавдий перестал быть таким козлиной. Хотя бы на долю процента!

Где искать информацию про Ультиму? Наверное, она должна быть очень важной и хорошо защищенной.

Я закрыл глаза и осмотрелся в эфире. Кроме двух ярких шкафов с любимыми женщинами наследника Темного клана золотом светились и другие книги – то есть принципиальные вещи в жизни у Ермолова имелись, и это уже было здорово. Но золотом Ультима темных сиять не могла. Она, наоборот, как будто поглощала собой свет, закручивалась в воронку... И воронка эта располагалась в самом дальнем и самом темном углу.

Я открыл глаза и двинул через весь зал, раздвигая стеллажи и массивные шкафы легкими движениями рук. Здесь, внутри чужого разума, в этой визуализации несуществующей Библиотеки, мне было плевать на Клятую Багну, на истощение резервов и что угодно еще. Здесь я чувствовал себя сильным. Я знал, что могу навредить Клавдию, могу свести его с ума, могу перемешать ему воспоминания так, что он маму с папой друг с другом путать станет. Но я не

собирался этого делать. В конце концов, если вести себя как последняя скотина – то ты скотина и есть. А если ты скотина – то зачем тогда жить?

Меня просто съедало любопытство. Очень интересно было, вот и всё!

Так что, увидев окованный железом и перевитый толстыми цепями сундук, я шагнул к нему, сорвал замок и цепи, распахнул крышку, жадной рукой ухватил свиток с пергаментом, прочел, что там было написано, положил на место и озадаченно проговорил вслух:

– Так, блин. В каком смысле – «Черное Солнце»? Нет, оно, конечно, эпично, и ну его на фиг, и молодцы Ермоловы, что аж с 1887 года не применяли, но, блин! А «Черная Немочь»? А как тогда?.. А КТО тогда?!

Потом подумал, положил свиток с «Черным Солнцем» на место, тщательно закрыл сундук и сказал:

– Ладно, фиг с ним!

И пошел к выходу, пытаюсь понять, как бы реализовать вторую часть плана: сделать Клавдия менее говнистым. И в моей памяти ничего такого подходящего не находилось. А вот в памяти Королёва, пожалуй, имелось кое-что подходящее. Глубоко вдохнув, я продекламировал громко, так, что эхо отдавалось от стен, полки с книжками тряслись, а огоньки на оставшихся свечах танцевали и чадили:

– Когда на лице твоём холод и скука,
Когда ты живешь в раздраженье и споре,
Ты даже не знаешь, какая ты мука,
И даже не знаешь, какое ты горе!
Когда ж ты добрее, чем синь в поднебесье,
А в сердце и свет, и любовь, и участие,
Ты даже не знаешь, какая ты песня,
И даже не знаешь, какое ты счастье! (стихи Э.Асадова)

Читая стихи, я дирижировал книгами, полками и шкапами. Они вальсировали, кружились по библиотеке, становились на свои места, отряхивались от пыли, освобождались от паутины. То, что Клавдий считал важным, то, что светилось золотом в этом царстве мрака – оказывалось на самых видных местах. Громоздкие и толстые тома с обидами, завистью и раздражением задвигались в самые дальние углы, черт знает куда, с глаз долой. Через дверь (внезапно!) всплыла лампа-подсвечник, и вместо оплывших и обгоревших вонючих огарков на ней горели пахнущие медом восковые яркие свечи.

Готический зал из декорации к фильмам ужасов преобразился в сказочное место, даже демонические рожи на гобеленах стали смотреть не с тупой яростью, а с некоторыми проблесками интеллекта во взглядах. И я был доволен результатами своего труда. В конце концов, пострадал только защитник-гомункул, но у Ермоловых наверняка хватит денег нанять менталиста, чтобы он подсадил сюда новую тварюшку.

Напоследок я ухватил одну из свечей и, выводя буквы языками пламени – прямо над дверью огромными черными буквами из копоты написал:

«НИКОГО ТУТ НЕ БЫЛО, ОНО САМО!»

И вышел вон.

Глава 3. Последствия

Клавдий лежал на спине в снегу и смеялся, глядя в небо. Он хохотал как сумасшедший, у него слезы из глаз текли. А я пытался пальцами добраться до кармашка на бедре – там у меня зелье регенерации лежало. Было очень тяжело, очень больно и грустно: я точно сломал себе что-то в нескольких местах, грохнувшись с высоты на строительный мусор.

– Ай да Титов! – фыркал Ермолов. – Ай да сукин сын! Ты еще и менталист, Титов? Ишь как оно вставило-то! Ой-ха-ха-ха!!! Хе-хе, мать моя! Хо-хо! А мог и убить, и с ума свести, ха-а-а... Но не сде-е-е-елал! Не сделал!

Я наконец извлек блестящую пробирку и, помогая себе телекинезом, подтащил ее ко рту. Скотское темное заклинание все-таки здорово выкачало у меня резерв, хотя то самое «на доньшке» все еще бултыхалось, а это значило – ни фига у Клавдия не вышло. Бензовоз есть бензовоз. Да и вообще, посмотрим еще – может быть, не бензовоз, а целый танкер!

Наконец пробка вылетела из пробирки, и кисловатая жидкость потекла мне в рот, я сделал усилие – и глотнул. Тело выгнулось дугой, все кости захрустели, волосы встали дыбом, из глаз брызнули слезы, из носа потекла кровь, и я громко простонал:

– Чтоб я сдох!!!

Эликсир оказался забористым. Я за него кучу денег отдал, по наводке Лейхенберга ходил к Скоморохам, сразу после той истории с ремонтом крыши. Деньги были, и вложить их в концентрированное здоровье я посчитал правильным. Купил пять порций, отдал... Много! Очень много. Если б мне о таких суммах в мае сказали – я бы только пальцем у виска покрутил.

Бог знает какие редкие ингредиенты на это дело употреблялись, но я прямо почувствовал, как за минуту похудел килограмма на три. Отвратительные ощущения! Организм перегнал полученные из сожженного жира и мышц строительные материалы и энергию к поврежденным тканям и заработал на полную. Кости снова захрустели, мышцы загорелись огнем, я весь вспотел, меня била крупная дрожь... Но уже секунд через двадцать я был способен сесть и повернуть головой – осторожно, чтобы не рухнуть обратно.

– Клавдий, – сказал я, тщательно подбирая слова, – если ты хоть кому-то проболтаешься... Клянусь, я сровняю с землей всю недвижимую в мире, которая принадлежит Ермоловым. Сломаю каждый дворец и каждую халупу на фиг, камня на камне не оставлю. Будете малосемейки в земщине снимать и по ночлежкам кантоваться. Я тебе клянусь, Клавдий, я жизнь на эту дичь положу, но у вас крыши над головой не будет во веки веков!

– Хе-хе! – Он тоже сел и смотрел на меня, улыбаясь. – И будешь в своем праве. Я бы и сам не хотел, чтобы такая информация про меня выплыла на поверхность. Менталистика, надо же... Ты чертовски крут, Титов, знаешь? Клятая Багна должна была высосать тебя до дна, а ты мне в башку залез и чего-то там наворотил... Что ты там наворотил?

– Ультиму вашу подсматривал и стихи читал, – пожал плечами я.

А чего мне прятаться? Соврать что-нибудь? Так это же выдумывать надо! А в моем состоянии что-то сочинять было очень, очень тяжело. Казалось – по всему телу пробежалось стадо слонов, вдобавок к этому я отравился и подхватил жесточайшую простуду. При этом, например, то ли сломанный, то ли вывихнутый большой палец левой руки с хрустом встал на место и начал приобретать здоровый вид, теряя синюшность. Похоже, процесс продолжался!

– За каким дьяволом? – уставился на меня Ермолов. – Какие стихи?

– О! Стихи одного очень светлого человека. Замечательного просто. Из другого мира. Узнал от одного попаданца, – ухмыльнулся я через силу. – *«Ты просто не знаешь, какое ты счастье, ты просто не знаешь, какая ты песня!»*

– Зараза... – Он почесал затылок. – То-то я чувствую, у меня внутри все аж клокочет, хочется всех на свете осчастливить. Как бы не убить никого по пути домой, а? И ясность такая,

собранность... Думал – коньяк попался что надо, ан нет: оказывается, ухажер моей сестрицы – менталист! Признавайся – не только стихи читал?

– Ничего такого особенного я не сделал. Порядочек у тебя в чердаке навел, да и всё. – Я рукавом вытер пот со лба. – За такие процедуры я большие деньги беру вообще-то. Но тебе за просто так сделал. Это ведь логично: адекватные родственники жены лучше, чем неадекватные. Она ведь тебя любит и общаться не перестанет, я это сразу понял. Хоть ты и неприятный тип!

– В каком смысле – жены? – уставился на меня «неприятный тип».

– Ну, будущей, – беспечно отмахнулся я. – Сейчас-то какой смысл жениться? Колледж, то, сё... Несерьезно! Квартиру куплю, магазин открою – тогда да, тогда предложение и сделаю.

– Какую, к черту, квартиру? Какой магазин?! – Ермолов смотрел на меня совершенно ошалевшими глазами.

– Мансардную, в Ингрии, – принялся разъяснять я будущему шурину. – С выходом на крыши и видом на водоем. Пруды, река, канал, что-нибудь такое в поле зрения. А магазин – книжный! Буду волшебные книги продавать – и обычные тоже. Бизнес такой! Нам, бесклановым, крутиться надо, шевелиться, зарабатывать... Мы без серебряной ложки в заднице родились.

– Так ты жениться на Эльке собрался? – На лице его появилась дурацкая улыбка.

– Гос-с-с-споди Иисусе! – картинно всплеснул руками я. – А я о чем говорю?! Слушай, сестра у тебя посообразительнее будет, она – отличница... А ты как в школе учился?

– А я на домашнем обучении был... – грустно ответил он. – Меня папа в школу и колледж не пустил.

– Меня тоже, – признался я. – И тоже – папа. Правда, когда он понял, что я перестарок – в интернат запихал, в такие перди жуткие, что ужас просто. А ты не перестарок?

– Не, я в четырнадцать тьмой инициировался первый раз, в восемнадцать – второй. Все по-ермоловски. Так выходит, что ты – никакой не сукин сын, а перспективная партия для моей сестрички? Маг с двойной специализацией и резервом маны, как бензовоз? И Эльку замуж зовешь?

– Ну, пока не зову, чтобы не напугать, – поднял ладони на уровень груди я. – Она ж эта... Трепетная лань. Еще начнет воображать всякое... Но позову. Как учебу закончим и со службой определимся. Служить же вместе надо, а если будем помолвлены – то нас и определяют в одну часть. Или на альтернативное место службы.

– Логично, – признал он. – Ты чертовски ушлый, знаешь?

– Да что с этим словом не так? – возмутился я. – Оно, хоть и значит вполне себе подходящие вещи, но звучит как-то оскорбительно! То ли ушлепок, то ли – уши! Нормально все у меня с ушами!

– Вообще-то ушлый зять – это очень неплохо. Если смотреть именно с такой точки зрения, имея в виду конкретно зятя, – успокоил меня Клавдий. А потом вдруг спохватился: – А ты не хочешь к нам в клан? Ну, не сейчас. Когда папа помрет. Я собрался реформы проводить, мне верные люди не помешают, особенно если они еще и ушлые. Эльку-то я точно обратно звать буду – ну и тебя заодно. В кантемировский клан она не вступила, так что ничего непоправимого не случилось. Женишься, фамилию жены возьмешь, такое практикуется. Я вам сан-себастьянское поместье подарю, на берегу Черного моря! Вид там – закачаешься. И кофе варят вкусный. Будешь как сыр в масле кататься! А дети ваши наследниками станут, просто подумай, какие перспективы!

Он сделал жест рукой, обозначая масштабность и радужность возможного будущего.

– А? – несказанно удивился я. – Что?! Йа-а-а? Ну-у-у-у... А вот смотри, Борис Борисович идет, он очень-очень зол, и из руки у него огненный столб фигачит! Пора нам, наверное, расходиться...

– Ты подумай, подумай, – погрозил пальцем Ермолов. – Мы к этому разговору вернемся. А я полетел.

И не соврал. Щелкнул пальцами, и фиг знает из каких далей со свистом примчался знаменитый левитационный диск, на который Клавдий и запрыгнул, и улетел прочь, напевая что-то легкомысленное, вроде «ах, Алиса, как же нам встретиться...» Или типа того.

Ветер трепал его волосы, разорванный плащ развевался за спиной, а чудовищная аура из переплетенных шупалец преобразилась в шлейф мрака, который сопровождал Клавдия, как хвост – всякую уважающую себя комету.

Это я где-то уже видел: скучную одноместную палату, казенное белье и Ольгу Андреевну Боткину в белом халате. Правда, и отличия имелись весьма существенные! Во-первых, все вокруг было мне знакомо, потому что лежал я в медблоке Пеллинского экспериментального колледжа. Это намного лучше интернатского лазарета! Во-вторых, рядом с Боткиной стоял Розен – лысый, высокий, источающий вселенское спокойствие. А если Розен рядом – значит, все будет в порядке. В-третьих, никаких гипсов и повязок на меня не накрутили, после того свирепого зелья они мне были без надобности. Ну да, меня капельку штормило, но не прямо-таки жестко. Так, как будто отходил после простуды.

– И что думаешь, Денис? – спросила Ольга Андреевна.

– Я думаю, что Титов – дурак, но дурак сильный, умный и везучий, – невозмутимо проговорил Розен. – Через пару дней с ним все будет в порядке. У него действительно феноменально большой резерв, я и не видал таких никогда.

– Подумать только – Клятая Багна от наследника клана Ермоловых! А этот лежит тут, улыбается! – Целительница посмотрела на меня сквозь очки. – Ты, Михаил, должен вообще-то рыдать о потерянном на многие годы даре, а не улыбаться.

– Но я ж ничего не потерял? – полуутвердительно заметил я. – Конечно, крышу Башни на Тверской я на место сейчас не поставлю, но кое-что могу... Хотите, мебель в палате подержаю?

– Не нужно ничего дергать! Я бы не рекомендовала ближайшие дней десять пользоваться магией вообще, – отрезала Ольга Андреевна. – Специальная диета, препараты, практики пополнения резерва...

– ...негаторная практика, – закончил ее мысль я. – Очень в тему! Нас зашвырнут черт знает куда, где нельзя будет пользоваться магией. С негаторами на шее. Подходит, да?

– Э-э-э-э... – протянул Розен. – Насколько я помню, смысл негаторной практики по выживанию как раз и заключается в том, что студенту ничего не угрожает, потому что он в любой момент может снять негатор и применить дар. А ты, получается...

– Ну, чисто теоретически практика ведь рассчитана на то, что ее можно успешно завершить, не применяя магии, верно? – предположил я.

– Теоретически – да, – кивнул Дэн. – Но старшие ребята рассказывали, что продержаться все две недели практически нереально. Все спекаются и снимают негаторы – раньше или позже. Ладно... Все равно решит Ян Амосович. Негаторная практика – только для магов второго порядка, она по индивидуальному плану разрабатывается.

– Так я пойду? – дернулся я с кровати. – План сам себя не разработает!

– Лежа-а-ать! – Голос Боткиной звенел сталью. – Клятая Багна у него, а он – «я пойду»! Никаких «я пойду», как минимум до утра! Мне хладный труп в общежитии не нужен! Будешь тут – под присмотром. Розен, ты сегодня дежуришь? Замечательно. Ночь переночует, утром – полное обследование, и решим...

Наконец лекари покинули палату и закрыли за собой дверь. Благо прозрачного зеркала тут не было, никто за мной не подсматривал, так что под кроватью послышалось копошение, и спустя пару секунд появилась растрепанная Эля. Она тут же принялась поправлять одежду и волосы, отряхиваться и, по своему обыкновению, пытаться рассказать все и сразу:

– Я чуть не чихнула, ужас как в носу чесалось, представляешь! Я терла нос, терла... А-а-а... Чи! – Чих у нее получился, как у птички какой-нибудь. – Во-о-от, полегчало. И что, что там было с Клавдием? Вы подрались? Почему он мне звонил такой веселый? Сиди, сиди, я сейчас тебя с ложечки кормить буду!

И реально уселась на постель, достала из-под кровати контейнер с едой и ложку и приготавливалась меня кормить! Как будто я лежачий больной! А я – не лежачий больной, точнее, чисто формально – да, но только принудительно. Я вообще уверен, что это Борис Борисович специально Боткину подговорил, чтобы она меня мучила и никуда не пускала. Он в ботинки снега набрал, когда за мной шел, и потому сильно злился.

– Открывай рот! – сказала Эля. – Давай, ложечку за Людвига Ароновича, ложечку за Яна Амосовича...

Я просто смирился. Ну, вот такая придурь ей пришла в голову, захотелось обо мне дико позаботиться. Ну и ладно! В конце концов – кормила она меня картошкой с мясом, что тут плохого? Интересно, а картошка с мясом подходит под понятие «специальная диета»?

– ...ложечку за Георгия Серафимовича...

Как Эля оказалась под кроватью? Так она с трансмутацией освоилась! И теперь сквозь стены проходила. Очень просто – раздвигала любую преграду, шагала вперед, задвигала за собой. Трансмутировала сплошную стену в стену с дыркой, делов-то! Главное, чтобы там проводов не было и других коммуникаций, иначе ни разу не секретно получалось. Страшная сила, на самом деле.

– ...за Сигурда Эриковича! – Меня ожидала следующая ложка. – И что там Клавдий? Как все прошло?

– Эля! Ты или корми меня, или спрашивай! – с полным ртом прошамкал я.

– Ой! – отпрянула Эля. – И правда. Рассказывай, что там случилось? И на вот, тут чай с лимоном, в термосе! Сейчас я тебе в крышечку налью...

Я, честно говоря, на нее другими глазами посмотрел. Потому что одно дело – это клетчатые юбочки, блестящие глазки, пеньюарчики и всякие нежности-приятности. Это – понятно. Дробовик, побег из семьи, смена фамилии, готовность всегда за меня вписаться – это дело другое, тоже понятное и ценное. А вот картошка с мясом и чай с лимоном – это третье! Как раз вполне перекликающееся с тем, о чем мы с Клавдием говорили. На такой девчонке точно надо жениться! Если она мне дико нравится и вообще – невероятная красавица, если она за меня готова в огонь и в воду, и чай в термосе приносит – то...

«Чего тебе еще, собака, надо?» – голосом Государя рявкнула память Руслана Королева.

Женюсь, точно. Но не прямо сейчас. Прямо сейчас как-то стремно.

– Ну да, мы подрались. Точнее – он на меня напал, я его эллингом придавил, потом он вылез, сделал какую-то дрянь, которую назвал «Клятая Багна»... Фу, просто дичь! – Я вздрогнул. – Но хрен там, я не поддался и вправил ему мозги. Но сильно поломался при этом. Потом все было как ты говорила: он что-то осознал, и мы даже нормально поговорили. Он такой весь веселый запрыгнул на левитационный диск и улетел в сторону Невы. Всё!

Что характерно, я снова не соврал!

– Та-а-ак! – Она задумалась и сама отпила чаю из хромированной крышки термоса. – А почему он мне сказал, чтоб я соглашалась? На что?

– Э-э-э-э... Ну, мы там про многое говорили... – стал закатывать глаза я. – Не зна-а-аю... Он, кстати, меня в клан звал. Поместье под Сан-Себастьяном предлагал! Говорит – когда ваш отец умрет, он реформы внутри клана организует...

– А ты что? – живо заинтересовалась Эльвира.

– А я – сам по себе, – откликнулся я.

– Эй! А я? – обиделась она. – Что значит – «сам по себе»?

Тут уж я отставил в сторону контейнер и термос, схватил ее и обнял крепко-крепко. Потому что нет лучшего средства от девчачьих обидок, чем хватание и обнимание. Нет, иногда они драться начинают, но до такого лучше не доводить.

– Конечно – я с тобой! Это само собой разумеется, ты чего? – заверил девушку я.

Эля едва ли не замурлыкала, пристраиваясь рядом на кровати. Я лежал ногами под одеялом, она – на одеяле, и голова ее покоилась на моем плече. Кажется, и недомогание мое стало отпускать, и в голове мысли всякие интересные начали вертеться...

– Я вот так пять минуточек полежу, а потом в общежитие пойду. Надо думать, что мы с собой на практику возьмем, – проговорила она сонным голосом. – Может – дробовик?

Интерлюдия

Ян Амосович нервничал. Его раздражал тот факт, что он так и не смог узнать – кто именно является к нему под мерцающей личиной. Хитрая электроника, зеркало Нехалены, сложнейшие конструкты – сквозь маску визитера не пробилось ни-че-го! Отец одного из самых перспективных и одновременно проблемных студентов Пеллинского колледжа явно обладал запредельным могуществом.

Из какой семьи происходит Михаил Титов? Кто ставил парню такой заковыристый отвод глаз? Почему при таких выдающихся способностях его до сих пор не вернули в клан? Да будь там правящий род хоть трижды могучим и трижды консервативным – телекинетик такой силы нужен кому угодно! В этом была тайна, и тайна страшная. А страшиться Полуэктов не любил.

– Я думаю, миллион денег в качестве пожертвования будет достойным признанием заслуг вашего учебного заведения на nive взращивания молодой поросли российских магов, – сказал гость. – Поверьте, Ян Амосович, на самом верху высоко оценивают вашу работу. Столько инициаций второго порядка – это не случайность. Это признак эффективности. Признаюсь – не все одобряли излишнюю свободу, которую вы предоставляете студентам. Но ваши методы себя оправдывают.

– Самоактуализация, – сказал Ян Амосович, который был очень польщен и думать забыл про раздражение. – Вершина пирамиды потребностей. Особенно важна в молодом возрасте. Реализуясь через творческие активности, через созидательный труд, через креативные начинания в коллективе сверстников, юный маг чувствует, что способен на большее... И да, не питайте иллюзий – мы их не жалеем. Гоняем как сидоровых коз! И немалый риск в жизни наших воспитанников тоже присутствует.

– Практика, – проговорил гость и кивнул. – Хтоническая, негаторная. Об этом я и хотел с вами поговорить. Куда вы собираетесь отправить моего сына и в составе какой команды?

– Сан-Себастьянский сервитут, – не задумываясь, откликнулся директор колледжа. – Горный поход в долину Семи озер через перевал Пыв! Вместе с Ермо... Кантемировой. Пытаться их различить бессмысленно – первая юношеская любовь, и притом взаимная, это такая штука, что... Я бы не стал шутить с чувствами двух великих магов. Чревато.

– Какие уж тут шутки. – Эмоции под личиной считать было сложно, а интонации голоса не давали никакого представления об отношении говорившего к ситуации. – Это очень серьезно... Но, в конце концов, почему бы и не Эльвира? Они сработались, не скандалят, берегут друг друга... Одобряю. А вот место – не одобряю. Держите.

Он протянул Полуэктову конверт из желтой бумаги. Ян Амосович принял его и испытующе глянул на визитера, силясь распознать хоть какие-нибудь эмоции. Но тщетно!

– Здесь – подробное описание маршрута и практическое задание, – пояснил мужчина. – Они отправляются в Васюганскую Хтонь. Пора парню встретиться с прошлым!

Глава 4. Очень важная задача

Я был взвешен, измерен и признан годным. Исходя из данных обследования – поединок с Клавдием прошел для меня без необратимых последствий. Хотя, как сказала Боткина – чем больше времени я не стану пользоваться магией, тем быстрее восстановится способность к оперированию большими объемами маны.

Принимая меня и Кантемирову в своем кабинете, Ян Амосович уточнил только, с кем именно я дрался, и, получив честный ответ, хмыкнул в бороду и положил перед нами на стол конверт из желтой бумаги. На его лице была написана целая гамма чувств, от одобрения до сожаления. Только сочувствия к своей персоне я не разглядел. Ну и ладно!

– Вот здесь ваше задание. Поедете в Братск, а оттуда – в Васюганскую Аномалию, – пояснил Полуэктов.

Мы переглянулись: Барбашин не соврал!

– Специфику понимаете: электричество в Васюгане не работает! – Директор смотрел на нас испытующе. – Магией пользоваться нельзя!

– Не беда, – дернула плечиком Кантемирова. – Можно взять винтовки и поехать верхом.

– Наверное, можно... – неуверенно проговорил я.

Это она у нас – наполовину аланка-горянка и по небесам на пегасах рассекает. Мой-то опыт верховой езды гораздо скромнее! Дед Костя приглашал к нам каких-то суровых всадников с раскосыми глазами, и мне пытались вдолбить эту сложную науку, но, признаться честно, я конячек побаивался. Большие они! Однако в седле держаться умел, и как-то даже километров десять по лесным дорогам мы с дедом Костей вместе верхом преодолели. Неспешным таким аллюром, скорее даже ускоренным шагом, чем тихой рысью. На этом он мучить меня прекратил, задница болеть тоже перестала – через пару дней, и больше я в своей жизни с лошадами дела не имел. Если не считать Выходцеву и Святцеву, конечно. Это те еще кобылицы!

– Какие-то проблемы? – поинтересовался Полуэктов.

– Никаких проблем, – заверил я. – В чем наша задача? Просто пройти из точки А в точку Б?

– Есть карта, есть четкий маршрут, – кивнул Ян Амосович. – Есть азимут – с точки старта до каждого промежуточного пункта. Расстояние между ними – пятнадцать-двадцать километров, верхом преодолеть за сутки – вполне возможно. Это – Оазисы. Там вы найдете ночлег... Чаще всего местные привечают поисковиков-сталкеров, но всякое случается. Стоит быть осторожными.

– Мы будем, – закивали мы чересчур уверенно.

Директор с подозрением посмотрел на нас, а потом продолжил:

– Ваша задача – взять пробы питьевой воды в источниках, которыми пользуются в Оазисах местные. Если основная часть жителей пьет из колодца – значит, набираете из колодца. Если из озера – значит, из озера. Речка... Ну, понятно. Пробирки стандартные, по десять миллилитров, возьмете у Боткиной. Набирайте по два образца, чтобы довезти наверняка. Каждому – по комплекту. Задание – не бутафорское, а самое настоящее. Вы действительно поможете отечественной магнауке!

Убедившись, что мы прониклись, Ян Амосович откинулся в кресле, подумал немного и продолжил:

– Легенда у вас очень простая: вы ребята из Ингрии, сами – сервитутские...

– С Васьки, – вставился я.

– Пусть будет с Васьки, – небрежно отмахнулся Полуэктов. – Последний Инцидент сильно ваше материальное благополучие подкосил...

– ...крышу сорвало... – снова подсказал я, и тут даже Эля покосилась меня неодобрительно. Вообще-то она была права: перебивать – нехорошо.

– Пусть будет – крышу, – вздохнул Ян Амосович. – И вот, чтобы эту самую крышу починить, чтобы насобирать для этого денег, вы взяли работу в МНИИ Хтонической Аквамантии и отправляетесь в Васюганскую Аномалию на период Бабьего Лета. Пояснять нужно? Или в Сети почитаете? Тепло там будет, сравнительно. Вот это – главное. И на ингредиенты редкие – благодатная пора. Тоже – почитаете. Вот лихой народ туда и едет подзаработать. И вы – тоже. Кстати, не возбраняется. Сможете что-то собрать и сдать без ущерба для основной миссии – никаких проблем. И из легенды не выбьетесь. Младшие научные сотрудники и внештатники нередко подрабатывают на стороне. Но, как говорится, есть нюанс.

Полуэктов через стол придвинул к нам два кожаных футляра – небольших, как для обручальных колец или типа того.

– Каждый из перстней – двухрежимный негатор. Собственно, без них практика превратилась бы в очередную хтоническую... Взгляните: пока в гнезде вот этот черный камешек, артефакт всего лишь приглушает вашу ауру и способности – примерно до уровня пустоцветов. Вас так и будут распознавать другие маги: два молодых оболтуса-пустоцвета, не более. Вынимаете камешки – и негатор становится полноценным, никакого магического воздействия на внешний мир вы оказать не сможете. Это – уже в Братске, понятно? Вышли на вокзале, в аэропорту или чем вы там доберетесь – и все, практика началась. Разбираетесь с проблемами без магии!

– Понятно...

– Если снимете перстни – я это тут же увижу, потому что футляры остаются у меня. Задачу в этом случае выполняете все равно, образцы воды – это не фикция и не пустышка, повторюсь – это для серьезной научной работы... Эльвира, тебе, думаю, будет интересно: они уйдут Ядвиге Сигизмундовне Пепеляевой-Горинович, понятно?

– Да-а-а-а? – Глаза Кантемировой загорелись. – Ни-че-го себе! А мы... А я ее...

– Обещала приехать с мастер-классом по аквамантии в конце января. А мы ей – такой подарок! Не только ваши образцы, другие ребята получили аналогичные задания, но Васюганская Аномалия – огромная, на всех хватит. Выполнили задание – сняли кольца, оперативно вернулись в Братск или любое другое цивилизованное место и любым способом добрались до Пеллы. Возникнут проблемы – поможем, но все это скажется на итоговой отметке. Все понятно?

– Как добираться в ту сторону – тоже мы решаем? – уточнил я. – А билеты кто оплачивает?

– Колледж оплачивает, – успокоил Ян Амосович. – Мы получили значительное пожертвование, так что в плацкарте семь дней трястись не придется... Сами решайте, как вам удобно. У вас сутки на изучение матчасти и планирование. Если послезавтра в восемь утра вы все еще будете в кампусе, то я попрошу Бориса Борисовича, и он вас выпроводит за ворота. С собой можно брать то, что унесете собственноручно. И никаких телекинетических штучек, Титов!

– А что сразу я? – возмутился я. – У меня вообще-то вопрос другого плана!

– Какого плана? – прищурился директор.

– А можно перстни себе оставить после практики? – Я увидел нехорошие огонечки в глазах Яна Амосовича и тут же исправился: – Выкупить! Выкупить у колледжа по себестоимости! Что – тоже нет? Ну, попытаться стоило... Классная же штука!

Мы сразу решили: геройствовать не будем. Сказано, что можно как цивилизные – ну и ладно! Про фамильяра, например, никто не упоминал, и про зелья, и про учебник прикладной магии от четы Пепеляевых – тоже. Теоретически ведь цивилизный может пользоваться эликсирами? Да и фамильяр дело такое, спорное. Ну, был бы вместо яогая киберкотенок, ну и что?

Конечно, хитрости все это, и духу практики не соответствует, но... Может, нам еще и лапти надеть, и пеньковой веревкой подпоясаться для аутентичности?

В итоге мы на двоих решили, что Эля изучает маршрут и планирует нашу скорейшую доставку в Братск, кроме того – собирает аптечку и покушать. А я отправляюсь за одеждой, обувью и снаряжением.

Оружие из холодного у нас было личное, это понятно: у меня имелся дюссак, у Эли – кинжал от главы клана Кантемировых. Вроде как – вещь стоящая. И выглядел клинок красиво, правда, из драгоценных ножен пришлось его «переодеть» в обычные, кожаные, и из рукояти самоцветы вынуть, но это – мелочи.

– А для котейки я накопитель заполню и буду из него подкармливать, – решила Эльвира и спросила у плюшевого питомца: – Будешь кушать из накопителя или тебя тут оставить?

– Яу-у-у! – Котик подпрыгнул, сделал сальто и приземлился на четыре лапы. – Мня-у-у-у!

Он, в общем-то, вел себя хорошо и прилично, разве что один раз, когда мы вышли за фруктами в Пеллу, загрыз волкодава, который сорвался с привязи у магазина. А так – ничего, котик как котик. Даже миленький.

– Значит – нужен еще и накопитель, – сочла за согласие реакцию плюшевого фамильяра Кантемирова. – Как думаешь – Аронович поделится?

– Поделится, конечно. Если ты его вежливо попросишь! – уверил я.

Спустя полчаса я отправился за ворота, в магазин «Рыбацкий дворик», где уже как-то затаривался одеждой и снаряжением. Видал я у них там разные интересности, да и вообще – место было таинственное, про него среди местных снага слухи ходили, мол, там достать все что угодно могут по всей этой охото-рыболовно-туристско-выживальщицкой специфике. Откуда я знал, какие слухи ходили среди снага? Так сектор же! Один большой табор! У нас там каждой твари по паре.

Одевшись по-зимнему и прихватив с собой рюкзак для вещей, я пошел к воротам. После сессии для старшекурсников жизнь в колледже замерла, и поэтому распорядок дня у нас был довольно свободный, разве что завтрак-обед-ужин давать продолжали по расписанию. Кормили вкусно, да и в столовой всегда можно было пересечься с друзьями-товарищами, пообщаться, что-то обсудить. Так что студенты старались приемы пищи не пропускать.

Младшекурсники, которые изучали в основном программы 9-10 классов, торчали за партами и с завистью пялились на меня из окон учебных корпусов. У них там алгебра, геометрия, география и история магии, а у меня тут – минус семь, снежок под ногами, солнце светит и птицы в лесу суетятся вокруг кормушек!

Я, кстати, сразу после того, как за ворота вышел, птичкам подсыпал кое-чего. Дрозды, снегири, воробушки, синички и прочие пернатые накинулись на крупу и семечки с отменным аппетитом. У меня даже настроение поднялось! Птички – это всегда хорошо.

Выйдя из лесу к Ингрийскому шоссе, которое шло вдоль Невы, я двинул по обочине, особенно не торопясь. Добираться пешком до «Рыбацкого дворика» было минут пятнадцать-двадцать, так что я собирался просто идти, смотреть по сторонам и дышать морозным воздухом пополам с запахами хвойного леса и неспящей-неумолкающей промзоны. Но насладиться прогулкой мне не дали. Завибрировал смартфон, и я с большим удивлением глянул на экран: звонил Афанасий Вяземский!

– Доброго здоровьичка, – ехидно поздоровался он. – Как там ваши косточки?

– Как там ваш желчный пузырь? – отбил удар я. – Афанасий, вы меня шокировали этим звонком! Где-то кто-то свистит на горе или умер в лесу? Вяземский о ком-то волнуется кроме себя любимого?

– Не знаю, кто там и где свистит, но я выбил для тебя оплату магической услуги по сносу заброшенного здания! – заявил он. – Четыре с половиной тысячи денег на дороге не валя-

ются. Если б не постфактум оформляли, а сразу, с договором подряда – получилось бы гораздо больше. Короче, цени мою доброту, Титов.

– Ого! – сказал я. – Ни фиги себе.

– Ага, – откликнулся Афанасий. – Как говорится – зайдите в контору, получите и распишитесь.

– Это с чего такая навязчивая благотворительность, Вяземский? Ты меня пугаешь!

– А с того, что если ты и не пойдешь к нам в клан, я лучше буду иметь тебя в союзниках. Я видел, как ты скомкал эллинг, вживую. И видел видос, где ты разводил мост. Думаю, даже величайший телекинетик-металлист всех времен и народов Магнус Эйзенхардт такое бы одобрил! Талантливый ты парень, Титов, хоть и бестолковый.

– Он что – кхзад? – Я краем уха только слышал про этого Эйзенхардта, но меня всегда больше отечественная история интересовала.

– Магнус-то? Ага, – сказал Афанасий. – Инициировался в арагонском концентрационном лагере... Ну что – зайдешь?

– Зайду, – заверил я. – Только вот до магазина схожу, кое-чего прикупить выбрался.

– Тогда я еще поработаю, тут на Тосно попросили лед убрать, хотят провести ходовые испытания одного суденышка... Звони, в общем.

Я сунул смартфон в карман с ошарашенным видом. Надо же, кучно пошли! Два типа, которых я считал неадекватными, начинают вести себя адекватно! Неужели дело только в моих возросших силах и появившемся на этой почве уважении? С Клавдием по совокупности факторов мы были, пожалуй, почти на равных. Афанасия я бы, наверное, уделал, если бы мы сошлись один на один...

Нужно будет посмотреть, как Вяземский ведет себя с новенькими: если пытается их чмырить – значит, дело и вправду только в грубой силе. Это было бы досадно.

Заходил в «Рыбацкий дворик» я с опаской. Прошлый мой визит сюда закончился покушением! Но теперь-то я был настоящим волшебником, пусть и с медицинской рекомендацией не применять магию как можно дольше...

– Здравсте, – сказал я ярко накрашенной женщине, которую запомнил с прошлого раза.

Сейчас она не выглядела такой уж уставшей, вполне себе бодро разгадывала сканворды.

– О! – обрадовалась она. – Челодой малавек!

И рассмеялась. Тоже – запомнила! Она ведь и в прошлый раз меня так назвала, эта земская продавщица.

– А что вас интересует? – спросила она. – Смотрю – рюкзачок наш носите? Подошел?

– О-о-о-о да, отличный рюкзак! – Я подошел поближе, убедился, что никого нет, и спросил: – А есть опричные вещи, которые выглядели бы как земские? Ну, одежда, обувь с самоподгоном, может быть – бронежилеты скрытого ношения, средства самообороны...

– Тш-ш-ш-ш! – тут же сообразила продавщица. – Есть кое-что, но не здесь. Подождите меня пять минуточек, никуда не уходите. Я сейчас!

Она вылезла из-за прилавка, улыбнулась мне жизнерадостно и скрылась за плотной черной занавеской в углу. Я на всякий случай скинул с плеча рюкзак и стал делать вид, как будто усиленно в нем что-то ищу. На самом же деле я нащупал рукоять дюссака и контролировал окна и входную дверь: тихий гул электрокара на улице, который раздался одновременно с побегом продавщицы, заставил меня заподозрить неладное.

Эфирные нити едва ли не звенели от напряжения, я мог обрушить все здание или проткнуть подъехавшую машину несколькими бетонными опорами, которые в беспорядке лежали у соседнего забора, но, конечно, не делал этого. Я ж не психопат-убийца!

Мне было жутко интересно, я ждал развития событий. И дождался!

И минуты не прошло, как послышалось цоканье каблучков по очищенному от снега крыльцу, потом я почувствовал необыкновенный свежий запах, в котором смешался мед, ароматы цветущей поляны, вешние воды, пряные травы и что-то еще, прекрасное и нечеловеческое.

– Elen sila lumenn omentielvo! – проговорил голос, который мог принадлежать только высшему существу, не иначе.

Я, честно говоря, офигел, когда увидел, КТО оказался в этом Богом забытом рыбацком магазинчике. Это был просто вынос моего бедного молодого мозга, а еще – эндокринной и нервной систем сразу. Сказать «красавица» – ничего не сказать. Наверное, вот именно в этом случае сильнее всего подходил термин «секс-бомба», хотя такие клише меня всегда бесили.

Высокая блондинка с точеной талией, идеальными длинными и сильными ногами, высоким упругим бюстом, аристократическим изгибом шеи, абсолютно симметричными, невероятно правильными чертами лица, пухлыми алыми губками и бездонными зелеными глазами. Волосы ее были убраны в затейливую прическу, из одежды – только зеленое короткое облегающее платье и босоножки на золотом шнуре, который обвивался вокруг ее щиколоток и выше – почти до колена. Коленки я рассмотрел хорошо: длина платья была экстремальной, и вырез – тоже.

И ушки. Острые, очень характерные... Передо мной в изящной позе стояла авалонская эльдарка, совершенно точно. И, осознав это, я на секунду прикрыл глаза – и нырнул в Библиотеку. Секунды мне хватило, чтобы загнать всю юношеско-подростковую гормональную дичь напрямиком на антресоли, стукнуть себя раз двадцать по виртуальным щекам виртуальными же ладонями и вынырнуть обратно.

Вообще-то я Элю люблю! Плевал я на все эти ножки и сиськи! Пусть хоть голая тут ходит! Тоже мне!

– Nai sinda ná ni, ar nai ná ni úva, nánuæ, – откликнулся я.

Это должно было звучать как «Видеть вас – одно удовольствие, не видеть – другое!», но получилось довольно криво. Я не особенно большой специалист в авалонском диалекте эльфийского, больше на ламбе умею, который наши русские галадрим и лаэгрим используют.

– Давайте будем говорить по-русски, Михаэль, – пропела нимфа. – Меня зовут Инвитари Лауранна, магический атташе консульства Королевства Авалон в Ингрии. Я здесь для того, чтобы позвать тебя домой, юный маг. Светлые Лорды предлагают тебе место подле себя, готовы наделить тебя землей, подходящим титулом, положением в обществе, возвысить над другими людьми.

Она говорила уверенно, так, будто никаких сомнений в моем решении не существовало в природе. Меня только что типа облагодетельствовали с ног до головы, я должен припасть к ее стопам и плакать от счастья. Авало-о-о-о-он, какое счастье! Какая радость! Да? Нет!

– Так, ять! – сказал я и сунул руки в карманы.

Я смотрел на нее и никак не мог понять – на что они вообще рассчитывали? Нет, то есть в общем и целом – оно было понятно. Фактически я – маг-сирота, очень перспективный и безмерно одинокий. Мне восемнадцать лет, не женат, родня себя никак не светит, ни к какому клану не принадлежу, нигде на службе пока не состою. И от вида сей распрекрасной особы (реально – сексуальная фантазия какого угодно мужчины на максималках) я должен был просто в осадок выпасть. А от предложения стать авалонским эсквайром – и вовсе улететь на небеса от счастья. Прекрасная женщина, земельный надел, Авалон – тройной удар!

Но оно как-то обидно стало: меня и вправду за такого дурачка держат?

– Что вы сказали? – Не знаю, сколько лет было этой королеве фей, но глазами она захлопала вполне натурально и даже на «вы» перешла.

– Я сказал: «так, ять», – повторил я. – Кстати, вам в платье и босоножках не холодно, зимой-то?

– Нет, благодать Авалона хранит меня... Что значит «так льяць?» – Из ее уст это звучало не комично даже – противоестественно.

– Крайняя степень недоумения, – пояснил я.

– Но не отрицание? – Она подняла бровь.

– Отрицание звучит по-другому. Обычно в русском языке в случае отрицания крайней формы обозначают направление, и я уже подумываю...

– СЛОВО И ДЕЛО ГОСУДАРЕВО!!! – раздался дикий рев со всех сторон, окна лопнули, дверь взорвалась, и магазинчик оказался до отказа полон лихими демонами в черной броне, с белыми эмблемами собачьих голов и метелок.

– У меня дипломатическая неприкосновенность! – панически зазвенел голос эльфийки.

– Твою ма-а-ать! Тогда свали нахер отсюда, вместе со своей неприкосновенностью! – раздался свирепый рык из-под шлема.

– Вот, – пояснил я, даже не пытаясь вырваться из цепких лап опричников. – Это и есть крайняя степень отрицания.

Глава 5. Начало пути

Опричники отвезли меня обратно, к самому кафе «Альфа», и теперь мы сидели внутри и обсуждали происшествие. Посетителей как сквозняком сдуло: десяток парней в опричной броне одним своим видом у кого угодно аппетит отобьют! Однако персоналу заведения было грех жаловаться: бронированные громилы заказали себе покушать и теперь рубали тушеную капусту с сосисками, рис с котлетами и рассольник, по две порции, с явно видимым энтузиазмом. Я пил кофе «три в одном» и слушал, что говорят штабс-капитан и поручик.

– Нет, определенно – ее нужно объявлять персоной нон-грата! – кипел Барбашин. – Совсем островитяне офонарели, вербуют нашу молодежь прямо у ворот учебного заведения! Это подумать только, а? Дипломатическая неприкосновенность, проклятье!

– Как будто впервые, – пожал плечами Голицын. – Норма-а-а-ально. Видели – у Михи в руках уже свинорез был. Он бы ее выпотрошил, если б она давить попробовала.

– Не стал бы я никого потрошить! – возмутился я. – Что за идея? Нет, если б она там колдовать принялась или еще что-то – то секанул бы по руке или по ноге, для остратки. Но прямо потрошить... Фу! Девчонка же!

– Фу? Она – природная ведьма, страшное чудовище похуже Аспида! – заявил поручик. – Хотя, конечно, красивая, зар-р-р-раза. Понятно, почему к парню ее послали, а не этого их Гилдора... Но ты, Миха, у нас кремень, да? У тебя же девчонка была, черненькая такая, тонкая-звонкая...

– Чего это – «была»? Есть! – с немалой долей гордости откликнулся я. – А эти эльдарки, они как... Ну... Как из рекламы майонеза. Такие приторные, аж противно. Хотя если говорить с точки зрения эстетического объекта – то да, очень красиво. Но тошно.

– Точно ему... Увели бы – и пиши пропало! – Барбашина передернуло, в его глазах на мгновение появилось выражение вселенской тоски. – И всё, конец нам всем.

На секунду в глазах этих героических мужчин и великолепных воинов сквозанула такая черная тоска, такая безысходность, что мне стало предельно ясно: они знают!

– КТО Я ТАКОЙ?! – неожиданно даже для самого себя рявкнул я, хлопнув обеими ладонями по столу.

И вдруг все опричники вскочили – по стойке смирно – и жажнули бронированными кулаками в левую сторону груди. А Барбашин, моргнув несколько раз ошарашенно, не отнимая кулака от грудной бронеластины, проговорил странным голосом:

– Михаил Федорович, Христом Богом прошу: скажите, что вы ничего не спрашивали и нам послышалось. Ради всего святого!

Мне стало его жалко. И его, и Голицына, и Оболенского, и Вакутагина, и Соколова, и остальных. Блин, мужики – на службе, а я тут со своими личными моментами и проблемами отцов и детей. Им и так сложно: похоже, дежурят черт знает сколько часов в сутки именно из-за моей персоны! Подобраны-то один к одному, каждого из них я знаю, каждому – доверяю! Эх, Барбашин, а говорил, мол – закончилось кураторство...

– Ладно, ничего я не спрашивал, – кивнул я через силу. – Это была слуховая галлюцинация. Все равно, как я понимаю, очень скоро многое прояснится.

– Ху-у-у-у... – раздался слитный вздох, и опричники уселись на свои места и снова заработали вилками и ложками.

– Вообще-то эльдарка – не первая, – сказал я, хмуро глядя в стакан с отвратительным кофе. – Меня уже звали в кланы.

– И кто же? – поинтересовался Голицын. – Радзивиллы?

– Почему – Радзивиллы? – удивился я.

– Так у них там это... Демографическая яма, – ухмыльнулся он. – Семь лет как.

– Я бы сказал даже – проплешина, – кивнул Барбашин. – Выжженная земля. Им теперь не до чистоты крови и дара, готовы в клан любых великих волшебников принимать хоть с улицы, только на условиях принесения кровной клятвы и смены фамилии... Не смотри на меня так, это твой знакомый полесский интеллигент постарался.

– Пепеляев, что ли? Он же вроде адекватный! – засомневался я. – Или как?

– Ага, если дело детей не касается, – пояснил Голицын. – У него тогда сразу все клеммы срывает... И у дракона – тоже. Кто звал-то?

– Клавдий Ермолов и Афанасий Вяземский, – пожал плечами я. – Думаю – не последние. Все-таки с этим мостом я здорово засветился.

– Твою ма-а-а-ать, князюшко, представь, какие у них будут лица... – Опричники переглядывались и давились со смеху.

Наверное – это было нервное.

– Не соглашайся, Миха, – посоветовал Барбашин. – Даже если предложат полцарства и принцессу.

– Полцарства мне и на фиг не нужно, принцесса – тоже, у меня девушка есть. А вот снаряжения – нет! – развел руками я. – Что делать-то?

– Снаряжения? – На меня синхронно повернулись и поручик, и штабс-капитан.

– Ну да, да... В этом «Рыбацком двореке», говорят, можно было достать опричную снарягу, которая выглядела бы как земская! А теперь мне в чем в Хтонь идти? У нас сутки на сборы... – развел руками я. – И «Рыбацкий дворик» на ремонт закрылся после того, как ваша милая компания бронированных носорогов там погостила.

– Так... – Голицын побарабанил пальцами по столу. – Это решаемо. Сколько вас будет?

– Двое. Я и Эля.

– Э-э-э-эля, то-о-очно! – щелкнул пальцами он. – Ермолова!

– Кантемирова, – поправил его Барбашин.

– Бывает, – кивнул поручик. – Значит, два комплекта плюс нелетальные средства. Извини, Титов, «татаринины» я тебе через «Гуси-Лебеди» не отправлю. Зайди лучше в тамошнюю «Орду», назовись вольным сталкером, попросись в Общество Хтонической Самопомощи, они с оружием поспособствуют...

– Там есть Орда? – обрадовался я. – Это многое упрощает! Я знаю одного тролля...

– Да его полстраны знает, – вздохнул князь. – В общем, вперед, Федорыч, иди выполняй свои боевые задачи, а мы свои продолжим выполнять. Кстати – про магазинчик тот забудь, нет его больше в природе. Помещение – есть, магазина – нет. Шагай, Титов, шагай, а мы тут доедим и отчеты составлять станем... Эльдары ведь вой поднимут, что мы тут их дипломатику угнетаем! А мы и не угнетали вовсе...

– А хотелось! – гыгыкнул кто-то из бойцов с соседнего столика. – Дипломатиха-то огого! Там есть чего поугнетать, ух, я б поугнетал!

Это, наверное, какой-то прикол у них был, про «дипломатику». «Директриса» слышал, «авторка» – тоже слышал, «дипломатиха» – никогда не слышал.

– Гущенко! – рявкнул поручик. – Я твоей Наташке ка-а-ак расскажу!

– Господь с вами, поручик! Чего вы сразу...

Опричники загоготали, я попрощался с офицерами и двинул в колледж в полном смятении.

Они знали! Знали про меня кое-что, и я сделал что-то такое, что чуть не заставило их посыпаться! «Выдох Силы» – вот как это называлось. Самая первая интуитивная техника любого менталиста. Но не у меня, потому как я менталист не очень такой настоящий... А тут – прямое подавление воли, приказ, который действует на уровне инстинктов. И они вскочили с мест и стали звать меня по имени-отчеству! Ни фигя себе, а?

Наверняка у опричников стояла какая-то ментальная защита, или в боевой комплект входили специальные амулеты, вот они и удержались на грани. Хотя этот самый «выдох» некоторое время шлейфом действовал, похоже. Иначе с чего бы служивые меня «Федорычем» назвали? Это я – Федорыч? В восемнадцать-то лет? Дичь какая-то, а?

Но в сторону, все – в сторону! Это – мысли завтрашнего дня, как писал один из моих любимейших современных авторов.

Эля, конечно, удивилась, что я пришел без обещанного снаряжения. Но я ее заверил, что все необходимое для экспедиции будет ждать нас в Братске, и такое объяснение ее вполне устроило. У нас имелся мой большой рюкзак на семьдесят литров и ее маленький – на сорок, и там вполне помещался минимальный запас еды, холодное оружие, сменное белье, одежда и кроссовки, еще и место оставалось. Зачем все это? Так Бабье Лето в Васюганской Аномалии в этом году зимой началось. Самую большую российскую Хтонь ожидало глобальное потепление на три недели. Меховые боты там без надобности...

Никто нас особенно не провожал. Кузевич на воротах пожелал удачи и проконтролировал, чтобы мы надели перстни – вот и всё. А еще сказал, что любой детектор наши айди-браслеты будет считывать как положено, ни единой отметки о статусе магов второго порядка никто не найдет, разве что спецслужбисты, но тем и так все, что нужно – известно.

Это было странно и непривычно, все-таки с нами тут всерьез возились до этих пор. А как же – молодая поросль, надежда и опора... Хотя теперь из разряда «надежд» мы уже перешли в категорию «становой хребет Государства Российского». Ну а как? Мы – маги. И за каким фигом двух таких распрекрасных магов низводить сначала до уровня пустоцветов, а потом и вовсе – цивильных? Только ведь плечи расправили, только силу почувствовали! Обидно, а?

– Штурман, – сказал я, обращаясь к Кантемировой. – Какая первая точка маршрута?

– Якорная площадь, – откликнулась Эля. – У нас через пятнадцать... А, нет, уже – через двенадцать минут маршрутка на Псков!

Я посмотрел на нее ошарашенно:

– Как – Псков? Это же в другую сторону! Мы же в Братск должны ехать!

– Кто тут штурман? – делано нахмурилась она. – Сам доверил мне маршрут прокладывать! Вот и страдай теперь, томись в неведении! Нефиг было с опричниками своими кофе пить, мог зайти и со мной все билеты позаказывать!

– Кофе, – покивал я. – С опричниками. Ладно, доверюсь женщине.

Я не стал ей рассказывать про авалонскую эльфийку и платье с вырезом, дурак я, что ли? А про Барбашина с Голицыным – поведал. Вот она и думала, что я там фигой занимался.

Спустила шагов двадцать Эля сдалась:

– Ну все, Миха, я пошутила.

– Не едем в Псков? – обрадовался я.

– Едем! Но не в сам Псков, а в аэропорт. Имени княгини Ольги, между прочим! Оттуда – самолет в Иркутск, без пересадок и дозаправок. Десять часов – и на месте, прики-и-инь! Вылетим в девять вечера, прилетим в... Вот блин! А во сколько мы прилетим, там же другой часовой пояс? – остановилась она. – По-нашему понятно, примерно в шесть. А по-тамошнему?

– Разберемся, – уверенно сказал я, подтянул шлейки рюкзака, взял Элю за руку в вязаной красной варежке, и мы пошли на маршрутку.

Никакой уверенности я на самом деле не чувствовал. Во-первых, потому, что слышал, мол, с колюще-режущим на борту самолета даже дворян не пускают, все в багаж надо сдавать. А во-вторых – я на пассажирских авиалайнерах не летал никогда. На конвертопланах – да, но конвертоплан – это совсем другое дело! Это ж не десять тысяч метров над землей! Бр-р-р...

Еще и перстень этот дурацкий. А ну как навернется, а я и среагировать вовремя не смогу? А если и смогу – удержу целый самолет или как?

– Ты чего такой бледный? – спросила Кантемирова.

– Ничего, ничего. Холодно. Пошли быстрее! – отреагировал я.

Маршрутка была самая обычная – «Антилопа». Точно такая, как те, которые под «Мостом глупости» себе крыши плющили, только в пассажирском варианте. Народ уже грузил багаж в задние дверцы, и баулы там были что надо – величиной со среднестатистического кхазда примерно. С тоской глянув на свой рюкзак, я решил:

– Вещи берем с собой в салон.

Расплатившись с толстым дядькой в дубленке, который тут играл роль водителя, мы толкнулись на последние свободные места – сзади. Спустя три минуты пыхания и страданий у окошка устроилась бабуся в красном драповом пальто и бёрдском пуховом платке, после нее – Эля, потом, выставив ноги и рюкзак в проход – я, и далее – два кхазда, которые страшным шепотом ругались на шпракхе. Я старался не прислушиваться, потому что костерили они друг друга просто невероятно, можно даже сказать – эпически.

Остальные пассажиры представляли собой классических обитателей земщины: прокуренные дядечки, тетеньки с волосами странных цветов, студенты... Что им всем понадобилось в Пскове? И что там вообще, в этом Пскове? Опричнина, земщина, сервитут или такая же дикая мешанина, как в Ингрии?

– Поехали! – радостно объявил водитель, запустил двигатель, подождал немного – и вывернул с парковки на трассу. И включил музыку.

– Я водки как-то выпил,

Потом в тюрягу сел!

Через два года вышел,

И снова водку пил! – захрипел динамик.

Бабуся рядом с Элей перекрестилась, кхаздады перестали ругаться, дядечки оживились, студенты надвинули на головы капюшоны и шапки. А Кантемирова – та оказалась очень хитрой. Она сняла варежки, достала беспроводные наушники и сунула их в уши. Еще и язык мне показала:

– У «Неизвестных» новый альбом вышел! Все никак руки не доходили, а вот теперь – послушаю. Дай сюда свое плечо, я на нем буду лежать!

Это было, конечно, приятно, но не очень удобно. Рюкзак, гномские локти, Элина голова, песня про водку, тюрьму, чертей и братанов, запах от ароматизатора-ёлочки, бабулиных духов и какой-то чесночной еды – все это потихоньку начало меня допекать, так что я не выдержал – и нырнул в Библиотеку. Эскапизм чистой воды, но что делать?

И да, есть на свете восемнадцатилетние парни, которые знают, что такое «эскапизм». Правда, вслух я такое не говорю, поймут неправильно.

Я уже научился удерживать себя в состоянии полусна-полубодрствования, не выключаясь из реальности окончательно и при этом работая с Чертогами Разума. На сей раз меня заинтересовала Клятая Багна и восстановление после нее: я точно читал обо всем этом в трактате не то Сильвестра Медведева, не то – Ивана Висковатого. Клана Ермоловых тогда еще не существовало, он в эпоху покорения Кавказа усилился, а вот Темных – хватало...

В общем, я принялся искать книгу, потом – вчитываться в хитросплетения старорусского витиеватого языка. В итоге – понял, как работала темная дрянь, которую применил Ермолов: она не только впитывала резерв, но еще и забивала эфирные каналы, как тромбы и холестериновые бляшки забивают сосуды. Если у пустоцвета они были, скажем, как соломинка для коктейлей, а у нормального молодого мага второго порядка – как садовый шланг, то у меня – размером с ливневую канализацию. Поэтому ничего критичного со мной и не случилось. Резерв своими целительскими методами Боткина с Розеном в порядок привели, но для полной реабилитации требовалось еще и «ливневку» прочистить, этим я и занялся – настолько, насколько возможно в полной пассажиров маршрутке. Уж гонять ману внутри себя я умел виртуозно –

спасибо Голицыну за его «батареиковую» практику. А тогда ведь таким дебилизмом казалось, просто ужас! Аналогия тут напрашивалась все та же: если, к примеру, на стенках труб налипла какая-нибудь органическая дрянь, то можно включить сильный напор – и ее снесет на фиг.

Этим я и занимался, пока бабуся не захрапела самым бесстыдным образом. Я бы никогда не подумал, что худенькая и маленькая бабушка может так надрываться! Однажды я слышал, как ревет взбесившийся дикий кабан, и тут ситуация была примерно такая же. По крайней мере, по уровню ощущаемой угрозы – точно.

– Химмельхерготт, – удивился один из кхазадов. – Это не женщина, это тойфельше шушпанцер!

Водитель даже притормозил: он подумал, что с мотором что-то случилось, и даже порывался залезть под капот, но ему мигом все объяснили прокуренные дядечки. Бабуля, кстати, во время остановки продолжила спать аки младенец. Разве что пуховый платок приподнимался в воздух при очередной мощной руладе.

– Ишь как мать притомилась-то! – уважительно проговорил шоферюга. – Ну, ничего-ничего, я музыку погромче включу, чтобы никому не мешало.

Как связано «погромче» и «не мешало» – это мне было непонятно, но я вообще – парень тепличный, неопытный, в большом мире невеликий специалист, так что мало ли...

– Однажды вместе с братом

На дело выжили мы.

С ножом и автоматом

Мы брали груз сурьмы... – сипела аудиосистема.

До Пскова оставалось километров двести, и ноги у меня затекли совершенно.

Самое обидное во всей этой поездке было то, что я даже в окно посмотреть не мог! Нет, определенно – совсем не так я представлял себе начало эпического приключения! Конечно, я догадывался, что задача всей этой выживальщицкой негаторной практики – «заземлить» магов, показать им Государство Российское таким, какое оно есть во всем своем разнообразии и контрастах. С этой точки зрения поездка на маршрутке уже многому меня научила.

Например, тому, что я не хочу больше ездить на маршрутках. Лучше – пешком. Или – поездами. Или... В конце концов, индивидуальный транспорт типа электрокаров и байков никто не отменял!

А Эля, солнце мое, в какой-то момент вынула один из наушников и спросила ангельским голосом:

– Ты не против, если я еще музыку послушаю? У «Рекорд-Ансамбля» тоже релиз был – «Больше не будет горя и слез», прикинь!

– Классно, – покивал я. – Слушай, конечно.

И буквально через секунду ко мне повернулся сосед-кхазад:

– Хуябенд, юнген! А вы куда едете? Колбасу будешь? Хорошая колбаса, свиная! С чесноком! У меня, кстати, еще и пиво есть. Уважаешь пиво? Ульрих, дай киндеру пиво... Не хочешь? Ну и зря. А я вот выпью. Я пиво очень люблю, я на пивоварне работаю, и мне премию пивом выдают, йа-йа! Райское место. Меня, кстати, Йоганн зовут. Йоганн Себастьян Гаук! Меня мама в честь композитора назвала, только у него Бах фамилия, а у меня – Гаук! Но и композитор Гаук тоже был, кстати. А я – не композитор, я больше пиво люблю, чем музыку. Кстати, музыка у водилы – вердаммте шайзе, а?

– Ага! – охотно согласился я, и это была единственная и последняя реплика, которую мне удалось вставить.

Потому что Йоганн Себастьян Гаук кроме пива и колбасы с чесноком очень сильно любил трепаться, как водится у кхазадов – о политике. И это, наверное, неплохое и, в общем-то, даже хорошее качество. Минус тут имелся только один: бежать мне было некуда.

Глава 6. Свобода

Свобода – странная штука.

Я задумался об этом в аэропорту, когда незнакомые люди в форме забрали у меня дюссак, все амулеты, зелья и разделы до трусов. Я чувствовал себя совершенно несвободным. Мне в этот момент предлагали довериться фиг знает кому, ходить строго по обозначенным дорожкам, стоять в очереди, как и все остальные, и вести себя очень прилично. И я должен был этих непонятно кого слушаться, чтобы потом получить уникальный шанс сесть в консервную банку, которая понесет меня по небу за девять тысяч километров. И такие расклады они выдавали народу за свободу передвижения и достижение цивилизации! Если вдуматься – это на самом деле странно: просто взять – и доверить всего себя людям, о которых ты знаешь только, что они уже много раз запускали в небо других людей. И нелюдей тоже.

Точно таким же несвободным я себя чувствовал в юридиках, в каждой из которых действовала целая куча неизвестных мне правил, обычаев и традиций. Свободны там были только представители правящего клана!

И, совершенно точно, о свободе речи быть не могло в опричнине. Там вообще в последние лет двадцать построили мир победившего кибертоталитаризма. Управляющие искины следят за каждым твоим шагом, даже в душе и туалете, выдают рекомендации по питанию, режиму дня, форме одежды, физическим нагрузкам и уровню стресса, даже – по музыке, книгам и фильмам, и все это – почти обязательно к исполнению, а если станешь рекомендации игнорировать – это приведет к... К чему-то приведет, наверное. Ну да, там, в искусственном раю – очень комфортно и удобно! Например, никто никогда не кинется на тебя с кулаками, доступны любые лекарства и самые передовые технологии, а все бытовые проблемы давно решены – от них ты реально свободен. Просто делай свою работу: программируй, колдуй, проектируй, двигай магнаучный прогресс! Хорошее стойло для элитных ездовых лошадок.

Сервитут тоже давал иллюзию свободы. Оружием хоть обвешайся, магию можешь не скрывать, никаких тебе сословных привилегий: аристократу в зубы заедут точно так же, как распоследнему бедолаге-гоблину. Но – дроны в небе, камеры – на каждом столбу, спецназ – наготове, и не дай Бог тебе попробовать применить огнестрел или магию, если не звучит сирена, возвещающая об Инциденте! А кулаки и табуретки – это всегда пожалуйста, этим калечить друг друга не возбраняется, тут свобода, да. Однако обилие ссыльных, которые при всем желании окрестности Аномалии покинуть не могли – это, конечно, делало разговоры о свободе какими-то пресными. В Ингрии такого не было, потому что ссылать кого-то в Ингрию – это как козу в огород выгнать, но в других-то сервитутах – массово!

В земщине же, где вроде как право голоса, демократия и самоуправление, тоже на самом деле ограничений столько, что диву даешься. Сеть – черно-белая! Никакого оружия! Никаких сенсорных экранов, разве что везти втридорога из сервитута! Никакой магии! Много чего «никакого»! Да что там говорить – по сравнению с кампусом нашего колледжа вся остальная Пелла жила как будто на двадцать лет в прошлом. Мобильники кнопочные далеко не у всех были, вон в кафе «Альфа» телефон с диском стоял. Сунешь палец в дырку, возюкаешь, отпускаешь и слышишь такое «чк-чк-чк-чк-дзынь!» Деятнадцатый век, ей-Богу. Какая уж тут свобода?

В общем, если быть откровенным, вольной птицей я себя чувствовал разве что в лесу. Или – в Хтони. Надеяться, конечно, не на кого, но, по крайней мере, по собственному разумению о себе и о близких позаботиться никто не помешает. Это ли не свобода? А тут...

– Сударь, снимите ботинки и поставьте их в лоток, – говорит плотный дядечка с каменным лицом. – Ремень с металлической пряжкой? Снимайте. Это что у вас? Артефакт? Проблемы с контролем дара? Недавно инициировались? Покажите маркировку на перстне...

Можно не снимать. Вода в бутылке? Более полулитра – запрещено, выбрасывайте. Проходите, следующий.

А котик-яогай, который притворялся сувениром-игрушкой в рюкзаке Кантемировой, вообще никого не смутил. Интересно!

Итак, в Псковском аэропорту меня раздели до трусов, Элю – до шортиков и топика. И всех остальных пассажиров рейса Псков – Иркутск – тоже так же. Двух азиатов увели куда-то в сторону, за стальную дверь. Понятно: после череды искусственно спровоцированных Инцидентов меры безопасности были усилены, и, наверное, в этом был смысл, и разумом я понимал рациональность происходящего. Но чисто психологически – без дюссака, без зелий, без амулетов – я чувствовал себя голым. Еще и перстень на пальце... И не вломишь никому как следует! Поведут за стальную дверь – что я там делать буду?

Получается, для меня свобода – это все-таки возможность кому-то вломить в любой момент, что ли?

– Ты чего – нервничаешь? – спросила Эля, встала на цыпочки и чмокнула меня в нос.

Мы забрали лотки с одеждой, которую аппаратура сканировала отдельно от нас, и теперь одевались.

– Никогда раньше не летал на самолетах, – сказал я. – Вообще, кроме конвертопланов, ни на чем не летал.

– О! – сказала Кантемирова. – Это мы исправим. Ты катал меня на «Козодое», я прокачу тебя на пегасе. Но потом. А вообще – ничего там такого удивительного не будет. Во время взлета ощущения, как на авалонских горках, потрясет минут пятнадцать. А потом – как на электробусе, ничего страшного. Только не едешь, а летишь.

– Я никогда не катался на авалонских горках, – вздохнул я.

– Ой! Действительно! Ты же и на аттракционах никогда не бывал! – ужаснулась девушка. – Знаешь что мы сделаем? Как только вернемся с практики – махнем на «Остров Буян»! Не в смысле на настоящий остров Буян, а в Москву. В крытый парк развлечений!

– Думаешь, мне понравится? – Я закончил обуваться и теперь ждал девушку, перекинув куртку за плечо.

Ну и прикрывал Элю от чужих глаз, конечно. И так во время досмотра пялились все кому не лень. Убил бы!

– У-ве-ре-на! Ты так гоняешь на «Козодое», что явно заценишь всякие экстремальные штучки! – У нее даже глаза загорелись. – Вот о чем я буду мечтать и что буду планировать в этой скучной и грустной Хтони: как я затащу своего Миху на «Супер-Восемь», «Хали-Гали» и «Паратрупер»! Мы туда с Клавдием раз пять ходили, кла-а-асс! И на авалонские горки, конечно.

Наверное, это все были названия аттракционов, и я уже хотел туда попасть – хотя бы затем, чтобы увидеть Эльку с такими же горящими глазами еще раз. Ну и покататься тоже, наверное, интересно будет! Хотя экстрима в моей жизни в последнее время и без того хватало, порой даже через край.

Кантемирова наконец справилась с одеждой, взяла меня за руку, и чуть ли не вприпрыжку мы двинулись в зал ожидания. До рейса оставалось полчаса.

Зал ожидания меня с авиацией несколько примирил. Тут была целая куча автоматов с едой, магазинчик, где продавали всякие интересности типа элитного шоколада, маленьких бутылочек с алкоголем и сувениров, и удобные кресла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.